

МАКСИМ КАБИР
СКЕЛЕТЫ

«Ультимативная коллекция кошмаров,
безумцев и монстров».

М. С. Парфенов

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Самая страшная книга

Максим Кабир

Скелеты

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кабир М. А.

Скелеты / М. А. Кабир — «Издательство АСТ», 2018 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-115876-7

Тихий шахтерский городок где-то в российской глубинке. Канун Нового года. Размеренная жизнь захолустья, где все идет своим чередом по заведенному порядку. Периодически здесь пропадают люди, а из дверного глазка пустой квартиры на вас смотрит то, что не должно существовать. Со зловещим скрипом открываются двери здешних шкафов, выпуская на свободу орды припрятанных там скелетов. И вместе с памятью о неимоверной боли – в мир приходит невыразимое Зло.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-115876-7

© Кабир М. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Реальные кошмары и кошмарная реальность Максима Кабира	6
1	8
2	13
3	17
4	21
5	25
6	29
7	34
8	38
9	42
10	46
11	51
12	59
13	63
14	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Максим Кабир

Скелеты

© Максим Кабир, текст, 2018

© Алексей Провоторов, обложка, 2018

© Виктор Точинов, вступительная статья, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Реальные кошмары и кошмарная реальность Максима Кабира

Максим Кабир хорошо умеет пугать.

Надо оговориться, что глагол «напугать» изрядно девальвирован, когда речь идет о литературе темных жанров. Мы употребляем этот глагол, чтобы признать: автор преуспел в некой игре – он выдумывает страшные сущности или обстоятельства, мы в них «верим» и «боимся» их...

На самом деле мы, читатели, ничуть не боимся. Ни того, что из шкафа вылезет какая-то злобная и хищная сущность и начнет нас убивать, пожирать, расчленять. Ни того, что поход за грибами закончится встречей с оборотнем, который украсит лесную полянку нашими кишками и прочими органами. И т. д. и т. п.

Тексты же Кабира реально пугают – причем как раз тем, чем должен пугать настоящий хоррор. Многие начинающие и даже состоявшиеся авторы рекомого жанра не понимают, что главные людские страхи – в головах, а не в монстрах, выпрыгивающих из шкафов. Страшнее всего – та условная и тонкая грань между безумием и нормальной психикой, когда точка сборки уже сдвинулась, но ты еще можешь осознать, что она сдвинулась-таки... Тогда монстры не нужны, до полусмерти напугает что угодно. Ночная бабочка, кружащая вокруг фонаря... или старая книга, отчего-то не занесенная ни в один каталог.

Поймать эту грань, вербализировать так, чтоб читатель сам оказался на грани безумия, – и готов шедевр хоррора. На словах просто, а поди сумей...

Макс Кабир умеет.

Он знает толк в нагнетании безумия. Без голливудщины, без оживших мертвецов и прочих спецэффектов он уверенной рукой вводит нас в абсолютно безумный мир, страшный, нереальный и алогичный, но вызывающий полное доверие.

Безумие в его текстах наползает словно само собой... Из ничего... Из легкой неправильности геометрии пространства... Из тени, чуть-чуть не соответствующей форме отбрасывающего ее предмета...

Кабир умеет показать мир под иным углом. Сдвигает точку сборки – чуть-чуть, совсем немного, – и страшными и опасными начинают казаться предметы и люди, до сей поры мирные и безобидные. «Живые статуи» на улицах европейских городов, например. Или вежливая доброжелательная женщина, сдающая жилье квартиранту... И это реально страшно – потому что жизненно.

Чем еще привлекательна проза Максима Кабира? Да много чем... Например, детальной проработкой матчасти. Если действие рассказа «Пепел» происходит в ГДР времен Штази и Берлинской стены, ни единая деталь не заставляет усомниться и крикнуть, подобно Станиславскому, «Не верю!».

Если речь идет о таинственных делах букинистов (рассказ «Черви») – опять-таки не возникает и тени сомнения, что автор не понаслышке знаком и со старинными книгами, и с их любителями, и с загадками этого внешне неэффектного хобби... Такое скрупулезное внимание к деталям антуража, к достоверности сеттинга, – редкое качество у молодых авторов «темной волны». И оттого вдвойне ценное.

Однако сюжеты Кабира не тонут под тяжестью сеттинга и не рассыпаются (тоже, надо заметить, весьма распространенная беда молодых авторов) – истории, рассказанные им, не отпускают, не позволяют оторваться от чтения до самого финала.

И при всем своем дотошном внимании к достоверности, к деталям и деталькам, Макс почти никогда не грешит ненужными объяснениями и растолковываниями. Не старается

натужно вбросить персонажам и читателям информацию, разъясняющую изнанку и подноготную происходящих событий. Не оказывается поблизости от героев «чисто случайно» знаток именно интересующей проблемы, а всезнающий «Гугл» не вываливает оперативно нужную и при этом верную информацию... все как в жизни, где загадки, с которыми приходится столкнуться, зачастую так и остаются без разгадок. Все правильно: хорошее добротное безумие всегда иррационально, оно не нуждается в проверке логикой и плевать хотело на наше желание все упорядочить и разложить по полочкам... Тень, чуть-чуть не соответствующая формой предмету... И все, достаточно, эта тень – колодец, куда можно нырнуть и не вынырнуть. А если даже вынырываешь – часть тебя остается там навсегда.

Такое впечатление производят на меня рассказы Кабира. А теперь перед нами новый эксперимент, новая ступень в развитии писательского мастерства, – роман.

Пока не знаю, о чем он, прочту вместе с остальными читателями. Но знаю точно: без порции здорового страха дело не обойдется.

Пугать Кабир умеет.

Виктор Точинов

1

Аннунки за атмосферу

В ноябре Андрею Ермакову хотелось кричать и бить кулаком в стену, чтобы костяшки окрасились красным, чтобы с воплем наружу выплеснулась переполняющая его боль и упала на пол отвратительным комком. Или содержимым сырого яйца – вспоминались почему-то бабки, которые яйцом лечат хворых. Грязный белок и капля крови в желтке, концентрация болезни. Как дух шева из прочитанной недавно книги о мифологии коми. Червячок, или гусеница, или обычный волос. Воплощение порчи.

Теперь он свыкся с утратой, сроднился с ней. Привет, дорогая, я снова дома, давай пить чай.

Он зажег газ под чайником и уставился на синее, трепещущее пойманной синицей, пламя.

Прошло четыре месяца с тех пор как Маша бросила его. Ушла, прихватив заодно лучшего друга. Август и осень – самая длинная в жизни. Он давно не был юношей-романтиком. Знал, что любая боль со временем притупится. И его в том числе. Уже притупилась. Скальпель, полосовавший внутренности легким порханием, теперь усердно, с нажимом, пилил. Зазубренное лезвие. Память. Сны.

Товарищ Морфей с упорством заядлого садиста крутил неактуальное кино. Сопливаю мелодраму. По-хорошему пора было сменить катушку, внести в сновидения капельку реализма, но там все было розово, карамельно, там Маша гладила Андрея по груди, называла Андрюшенькой и просила никогда ее не оставлять.

Утром нужно было скорее выбраться из пустой квартиры, из руин бывшего уюта, нацепить социальную маску и влиться в ритм города. Работать – Ермаков вел на Третьем канале отчаянно глупую и наигранную передачу про паранормальные явления. Охотники, встречавшие снежного человека, сами от пьянства похожие на йети. Очаровательные бездельники, следящие за небом. Скучающие домохозяйки. И просто наглухо сумасшедшие, заваливающие редакцию безграмотными письмами.

Хмурые северные колдуны изготавливали шеvu из черемухи, пепла, сора, жил ящерицы и соснового прутика печной метлы. Оживляли потом заклинаниями и подкидывали жертве в еду. Его персональная шевa была слеplена из Машиной улыбки, ее голоса, из шутильвых прозвищ, из имен запланированных детей, из восьми относительно безоблачных лет. И немного, для пуших страданий, из крепкого дружеского плеча Богдана.

Чайник засвистел на плите, и Андрей достал из ящика чашку с изображением мастера Йоды. Подарок Маши.

В сентябре ему хотелось выкинуть все, что напоминает о предательнице. Но в таком случае пришлось бы ютиться среди голых стен. Без мебели, без книг, без обоев. Квартира хоть и была съемной, стала их гнездом, их логовом, крепостью, и каждую мелочь они покупали вместе или друг для друга.

А шевa уже завелась здесь, пряталась под абажуром лампы, таилась горошиной под подушками, извивалась, росла. Он не замечал изменений, подслеповатый толстокожий идиот.

Андрей отхлебнул чай и включил ноутбук. Презирая себя, нашел страницу Маши. Она была офлайн, и это порождало тьму невеселых предположений о том, чем она занята субботним вечером. Запрыгнул на страницу Богдана. Можно одним кликом удалить человека из друзей, но в чертовых снах он твой верный кореш. Богдан достаточно воспитан, чтобы пока не выкладывать фотки с Машкой.

Статус: влюблен. Андрей закрыл вкладку.

Жизнь, точно жулик-гипнотизер, навела морок, ограбила, превратила тридцатилетнего мужика в тряпку, в слабака, который рыдает, наткнувшись на заколки под кроватью. Впереди первый Новый год без нее.

На телефон капнуло сообщение от Амроскина, уфолога-любителя, автора увесистого манускрипта о контактах с пришельцами и обладателя не поддающегося сомнению тихого помешательства. Он выступал свой труд на допотопной печатной машинке, сшил капроновой нитью и всюду носился с этой безумной даже на вид кипой листов.

Амроскин просил немедленно проверить почту. Андрей поерзал мышкой. К электронному, набранному капсом, письму был прикреплен коротенький видеоролик. Андрей минуту наблюдал за полетом НЛО – на самом деле воздушного фонаря. Инопланетяне были чудом, которого жаждал несчастный девственник Амроскин. Маша была чудом Андрея. После нее, после продлившейся восемь лет вспышки, ему осталось пустое небо. Бумажные подделки под волшебство.

Прав был Бродский. Нет одиночества больше, чем память о чуде. Андрей пожелал Амроскину никогда не встретить марсиан, лишь надеяться на встречу. Так легче.

Под сенсационной молнией уфолога нашлось еще одно непрочитанное письмо, куда скромнее. Андрей удивился, обнаружив весточку с малой родины.

«Здравствуйте, многоуважаемый Андрей Вадимович»...

«Многоуважаемый», – хмыкнул он.

Естественно, для захолустного городка на двадцать тысяч жителей телеведущий областного канала был настоящей звездой, знаменитостью не жиже столичных селебрити.

«Двадцать девятого декабря в Доме культуры имени Артема состоится первый Варшавцевский литературный фестиваль „Степные строки“. В фестивале примут участие более тридцати Ваших талантливых земляков. Приглашаем Вас стать почетным гостем мероприятия и возглавить конкурсное жюри.

С уважением, член Союза писателей А. Камертон, редколлегия фестиваля, коллектив средней школы № 1, клуб писателей г. Варшавцево».

Губы Андрея растянула ухмылка. А. Камертон – псевдоним Артура Олеговича Мельченко, его учителя литературы. Хорошего человека и отчаянного графомана. Кто еще мог вспомнить, что Ермаков кропал стишки? Даже печатался в газете с чудовищным названием «Рудничок». Мельченко пророчил ему большое литературное будущее. Подразумевал, вероятно, что однажды уступит талантливому воспитаннику свой трон. Трон главного литератора забытой Богом провинции. Завидная должность.

Последний рифмованный катрен Андрей написал лет пять назад. Лирика, посвященная Маше, конечно. С музой они расстались по обоюдному согласию, без слез, без обидных выкриков и битья посуды. Не вышло из него ни Бродского, ни даже А. Камертона.

И вот, оказывается, есть люди, всерьез считающие, что он наплюет на дела и найдет в плотном графике время, чтобы тащиться черт-те куда, слушать подростковые вирши... Под Новый год...

К письму прилагался файл, Андрей щелкнул мышкой, и в браузере загрузилась смастеренная на коленке афиша, милая и бесхитростная. Заливка градиент, обводка, тень, свечение – все опции фотошопа, позволяющие создать максимально нечитабельный текст. Венчала афишу эмблема фестиваля – чернильница с воткнутым в нее пером.

– Да ладно, – пробормотал недоверчиво Андрей.

Внизу шрифтовой каши было набрано:

«Музыкальный подарок от рок-группы „Церемония“».

В голове возник образ Толика, патлатого, тощего, стучащего вязальными спицами по картонным коробкам. Две тысячи первый год, они репетируют в квартире Андрюшиной бабушки: великий барабанщик Толян Хитров и Ермаков, терзающий струны акустической гитары. Про-

важный дебют «Церемонии» на школьном выступлении. Варшавцево – не тот город, где девушки соблазняются рокерами.

И вот, на тебе, группа, созданная двумя школьниками, до сих пор влачит свое существование, безвестная, но очень упертая.

Андрей понял, что улыбается.

И шева тоже поняла. Крутнулась внутри испуганно. Проголодалась. Крошечная ящерица, уплотнение в районе сердца. Никаких улыбочек. А ну, обратно в свою боль! Шевельнулись ледяные губы незримого колдуна. Зазвонил телефон.

Машенька.

Улыбка потухла, Андрей встал из-за стола, помедлил, рассматривая ее фотографию на экране. Когда-то они договорились не расписываться до рождения ребенка, так что официально женаты не были.

Они не нуждались в регистрации своего союза. И традиции русских свадеб с пьяными бесконечно далекими родственниками, тамадами и ряжеными вызывали у них лишь насмешку. Но после университета они поехали путешествовать по Западной Украине и повенчались в закарпатской церквушке. Живописной, кинематографичной, словно декорации к абсолютному счастью.

Вчерашняя студентка педагогического вуза Маша Аронова улыбалась с фотографии, за ее спиной высился горный пик и синело небо.

Андрей прижал телефон к уху. Впустил ее голос.

– Привет. Я не мешаю?

Правильно выбранный тон. Осторожный, сдержанный, с толикой должного трагизма, как на похоронах.

– Чем ты мне можешь помешать? Я рад тебя слышать.

Время ссор, взаимных оскорблений осталось позади. Кто виноват и что надо сделать с Богданом. А Богдан-то не раз и не два признавался, что влюблен в Машку, захлеб восхищался ею, говорил, что не женится, покуда не отыщет такую же. И украл, только подвернулся шанс. Отвоевал у зазевавшегося Андрея право быть счастливым.

– Как ты? – спросила Маша.

Шева мелкими зубами терзала какую-то мякоть под ребрами. Насыщалась.

О чем она спрашивает? Не запил ли он? Не планирует ли повеситься или вскрыть себе вены? Не забывает ли кормить рыбок?

Ему все-таки тридцатник, здоровый мужик, программу вон ведет, пускай и смотрят ее сплошные шизофреники.

– Все круто, не волнуйся, – сказал он, трогая пальцем зеленую морду Йоды.

«Волнуйся, все не круто», – повторил Йода, мастер инверсии.

– Понравилась твоя новая передача.

Последний выпуск «Мистических историй» был посвящен привидениям старой дворянской усадьбы. В нем нашлось место трем засвеченным фотографиям, УЖАСАЮЩЕМУ шепоту, который наколдовал звукорежиссер, и интервью с подставным потомком графини Анны Топот.

– Шутишь? – спросил он.

– Ты похудел.

«Ты тоже», – едва не брякнул он. Иногда, подвыпив, Андрей приходил к школе, где она работала. Шел за ней до дома Богдана, прикрываясь едва ли не газетой, как шпион в комедиях.

– Слежу за собой.

– Я рада.

Хотелось одернуть ее: достаточно балагана, показушного чувства вины, аккуратного выбора слов. Этой игры в чужих людей. Алло, Машка! У меня же никого роднее тебя не было!

– Андрюш... – она замялась.

Он ждал. Шева ждала, отлепив зубастый ротик от добычи.

– Я не хочу, чтобы ты узнал от знакомых. Правильнее будет самой сказать...

«Ну же!» – заорал он внутренне. Стиснул челюсть так, что зубы заныли.

Она... она...

– Мы с Богданом распишемся в январе. Без кортежей, без фаты, без всего такого.

Будто это было важно, что она не изменила мнения относительно швыряний букетом.

Шева зачавкала с остервенением. Ящерица его персонального страдания.

– Распишетесь? – спросил Андрей холодно. – Вы четыре месяца...

(трахается)

...вместе.

– Я его знаю столько же, сколько тебя, – ответила Маша.

Внезапно ему захотелось, чтобы было еще хуже. Безвозвратно хуже. Чтобы шарик отчаяния, разбухающий с августа, лопнул, и ничего не осталось.

– Это не всё, – сказала Маша.

Он зажмурился: вот оно. Сейчас она скажет слово, заветное слово. Я...

– Я беременна.

– О, – сказал он.

Тяжело сел на стул.

Четыре года они пытались завести ребенка. Мальчика Никиту или девочку Веронику. И позвать Богдана быть крестным папой.

– Какой срок?

– Одиннадцатая неделя.

«В сентябре, – подумал он. – Через месяц».

Он кивнул. Оглядел кухонную утварь, часы, магниты на холодильнике, привезенные с юга. Ракушки и дельфинчики их умершего моря. Бедного моря в черных нефтяных пятнах.

– Андрюш?

– Богдан будет отличным отцом.

Он не кривил душой. Было бы чем кривить! Он ощущал лишь усталость, пустоту, апатию. Боль исчезла. Шева убралась, доев, слизав крошки. Прожорливого духа больше не интересовала выеденная оболочка.

У Маши и Богдана родится ребенок.

У занятого холостяка Богдана будет семья – вы не шутите?

– Ты действительно так думаешь?

– Я желаю вам счастья, – произнес он и поморщился. Неискренняя и дешевая реплика. Из набора постановочных передач Третьего канала.

– Позвони мне на днях, хорошо?

– Хорошо.

Он отключился. Взял со стола чашку. Не было никакой потребности разбивать ее, но он посчитал, что это будет уместный жест. Зеленая физиономия Йоды разлетелась на части. К ногам посыпались осколки.

– Вот так, – подытожил он, – вот так.

Толкнул мышку, и экран засветился. Зажглась дурацкая афиша «Степных строк». Она радовала уже тем, что никак не ассоциировалась с Машкой.

Опять запиликал телефон.

– Я занят, – прошептал он, – я страшно занят.

Звонивший был настойчив, как группа «Церемония».

– Амроскин... – пробормотал Андрей, пододвигая мобильник. – Надеюсь, тебя похитили пришельцы, Амроскин.

– Эндрю, Эндрю, – зачастил в трубку спец по тарелкам, – ты посмотрел, а? Что скажешь? Разбогатеем мы на этом материале?

– Херня, Амроскин, – промолвил Андрей, очерчивая курсором логотип литературного фестиваля.

– Но...

– Слушай, Амроскин. Ты чем на праздники занят?

Ответ был очевиден: уфолог проведет их, как и предыдущие Новые года, уплетая мамин салат оливье. Толстая угреватая белка в колесе пущенного по кругу сериала «Секретные материалы».

– Да ничем таким.

– Я тебе, Амроскин, ключи дам. Покормишь моих рыбок.

2

Толя Хитров приподнялся со стульчика и завершил партию перекрестной игрой на тарелках. Лихо прокрутил палочки между пальцев и только потом посмотрел на ребят. Кеша и Паульс ухмылялись, довольные, а Платон, вокалист, сосредоточенно пролистывал потрепанный блокнот. Читал рукописные тексты, написанные шестнадцатилетним парнишкой.

– Ну, – вынес он вердикт, – неплохо.

– Неплохо? – хохотнул Хитров, утирая лоб ветхой футболкой. – Андрюха Ермак был гением. И есть.

Платон завистливо промолчал. Полгода назад Хитров воскресил группу из мертвых, раскопал условную, как в кинговской «Темной половине», могилу, прочитал нужные заклинания. Подергивания окоченевших лапок поначалу казались гальваническими, ложными сокращениями мышц. Но он приложил усилия, нашел единомышленников. Тех, кому, как выразился бы басист Паульс, «по приколу». По приколу лабать старомодный рок в городке, никак не приспособленном под такие цели.

«Церемония» была слеплена из троих студентов техникума и одного тридцатилетнего неудачника. Двадцать девятого числа это чудовище Франкенштейна выберется на провинциальную сцену, и станет ясно, живо оно или нет.

– Кайф, – просиял Кеша, закрыв ладонью струны. – Вот это поэзия, Платоша, а не то дерьмо, что ты нам носишь.

– Пошел ты, – фыркнул вокалист.

Платон был неплохим парнем, талантливым, с рок-н-рольным вокалом и правильной хрипотцой. И стихи его, пусть слегка наивные, транспарантные, под Кинчева, иногда сверкали удачными строками и самобытными метафорами.

Хитров мысленно нарек музыкантов «молодняком». Жена ворчала: что ты возишься с пацанами? Своего ребенка мало? Он боготворил Юлу, но и «Церемония» была его дитем, пусть косым да горбатым. Посигналила из сырого чернозема будней: раскапывай меня, папка. Пора.

– Не обращай внимания, – сказал Хитров приунывшему вокалисту. – Твой «Марш» – бомба.

Он знал, что на грядущем фестивале Платон будет участвовать и в роли поэта.

– Так что, братва, – окликнул Хитров парней. Те уже надевали шапки и обматывались шарфами. Навьючивали гитарные кофры. – Берем эту телегу?

– Спрашиваешь, – сказал Платон.

– Без базара, – поддакнул Паульс. – Откатать еще надо.

– Откатаем.

Они обменялись рукопожатиями. Кеша и Паульс покинули обвешанную плакатами и вымпелами репетиционную базу. Платон топтался на пороге, теребил в руках перчатки.

– Толь, – произнес он робко. – Я тут новый текст набросал, глянешь дома?

– Ага!

Платон вручил товарищу сложенный пополам листочек и ретировался.

Размышляя о выступлении, Хитров сдвинул к стене стулья, накинул куртку. Бережно спрятал в рюкзак тетрадку со стихами Ермака. Каморка, в которой музицировала «Церемония», находилась над актовым залом, на чердаке. Дом культуры любезно предоставил группе уголок: Хитров был здесь своим, трудился звукорежиссером, записывал народные ансамбли, заседал над микшером во время концертов и городских праздников.

Он запер дверь и протиснулся мимо свалки гипсовых бюстов. Спустился на второй этаж, зашагал по просторному коридору. Часы показывали девять вечера, Юля уже спала.

«А вдруг я, правда, использую группу как прикрытие? – затревожился Хитров. – Задерживаюсь на репетициях, чтобы не слушать Юлькин рев? Чтобы не раздражаться?»

Его охватила тоска по семье, будто до дома было не десять минут езды, а сотни космических парсеков.

Посторонний звук вклинился в гулкую тишину ДК. Он доносился справа, из темного и узкого коридора, ведущего к женскому туалету. Быстрые шаги по плитке.

Хитров оглядел закоулок. Кому там бегать в такое время? Девочки из танцевального ансамбля «Грация» разошлись еще в семь, а работниц Дома культуры после шести не сыскать с огнем. Может, «молодняк» презрел гендерное разделение туалетов?

Завхоз Сергеевна вечно экономила, и лампочка в коридоре горела лишь одна, над поцарапанным пианино. Несчастный музыкальный инструмент громоздился в нише словно для того, чтобы дамы, ожидающие свободной кабинки, имели возможность развлечь себя игрой.

Хитров стоял у сумрачного коридорного устья, а в глубине капала, разбиваясь о рукомойник, вода, и кто-то дышал, громко, как в микрофон. Не в туалете, ближе. Возле ниши. Кто-то скорчившийся прямо за пианино: вот же шевелится на квадратах плитки тень.

В пустом здании заиграла луридовская Candy Says. Хитров вынул вибрирующий телефон. Лариса просила купить бутылку минеральной воды.

– Будет сделано! – он кинул прощальный взгляд на пианино в полумраке и засеменил по лестнице. На своем посту дремал сторож, потрепанный жизнью мужик с красным новогодним носом. Валик, но за глаза все называли его Чупакаброй. В честь мексиканской кровососущей зверушки. Кровь коз дядя Чупакабра не пил, зато регулярно подкреплялся дешевым самогонном.

– Отыграли? – даже сквозь отделяющее дежурку стекло Хитров учуял едкий перегар.

– Да, дядь Валик. – Хитров отдал сторожу ключи. – Чердак я запер.

– А я за тобой запру, – сказал Валик, бесполезный и мирный пьяница. У начальства не хватало твердости уволить его. Четырнадцатого апреля, в день вывода войск из Афганистана, Чупакабра цеплял на рубашку орден воина-интернационалиста и просил Хитрова включать ему песню Юрия Лозы «На маленьком плоту». Объяснял заплетающимся языком, что под эту песню его рота уходила из Кандагара.

Хитров отсалютовал сторожу. На улице падала мелкая крупа. Голову гранитного Ленина увенчала снежная шапка, вроде пыжика, популярного в эпоху позднего СССР. Площадь с одной стороны подковала вогнутая глыба ДК, с другой – остановка, супермаркет и рюмочная «Терем». По пустынной проезжей части ковылял простоволосый коллега Чупакабры.

Хитров нырнул во чрево «жигуленка», служившего ему верой и правдой десятый год. Тронулся с места, обогнул вождя пролетариата. Маневрируя между ухабов, он думал о Ермаке. Жизнь развела, отдалила товарищей. Хитров следил за карьерой Андрея, смотрел «Мистические истории». Стыдно сказать, захаживал изредка на его страничку в социальной сети. Радовался успехам, любовался супругой, Машей. Но в друзья не попросился и сообщения не отослал. Письмо он все-таки набирал пару раз, но стирал, перечитав. На хрена он Ермаку? Скучный тип, прозябающий в провинции, играющий музыку, которая и пятнадцать лет назад перестала быть актуальной. «Звукач» из ДК Артема. Ермак сделал огромный шаг, укотив учиться, а он в том же болотце, разве что вот дочурку-красавицу заимел.

Когда они сидели нормально, как родные люди? И не припомнить уже.

– Каждому свое, – сказал Хитров, и «дворники» поскоблили стекло, покивали согласно. Дом встретил его ароматом куриного бульона и картофельного пюре.

Лариса привстала на цыпочки, чтобы чмокнуть его в щеку.

– Моя рок-звезда, – шутливо сказала она.

Он горделиво расправил плечи.

– Ты еще будешь мной гордиться.

– Я и так тобой горжусь.

На кухне забулькало, и жена, всплеснув руками, упорхнула к плите. Поинтересовалась из-за стены:

– А у тебя будут фанатки? Знаешь, такие, которые мечтают покувыркаться с кумирами?

– Я переадресую их Платону.

– Платону тринадцать или четырнадцать. Это незаконно.

Он усмехнулся. Вообразил трущихся у гримерки группы. Завхоз Сергеевна и директриса ДК в футболках с логотипами «Церемонии».

Хитров подбоченился в дверях кухни.

– У нас что, домашние животные завелись? – спросил он.

– Ты о чем? А, это...

Под батареею было задвинуто чайное блюдце, доверху наполненное молоком. В молоке плавали ломтики хлебной корки.

– Это для него, – сказала Лариса, потупившись.

– Для кого же?

– Ну... для домового.

Хитров вздохнул. Домового мнительная Лариска нафантазировала в начале недели. Мол, кто-то шерудит мелками, одергивает занавески, переворачивает детские книжки. Серьги у нее похитил, а еще телевизионные каналы клацает. Категорически не любит «Дом-2».

«Какой умный приживала», – подначивал муж.

– Лар, ты серьезно вообще?

– Ну, я же слышала, – вяло отпиралась жена. – Сегодня снова бумага шуршала.

– Да это Юла шуршит. Она же шуршалка у нас.

– У бабушки в деревне домовой жил. Добрый. Где вещи потерянные, подсказывал. Мышей извел. Даже будил по утрам, если бабка не просыпалась вовремя. Но запах табака не выносил. Только дед закурит, он посудой гремел.

– Я не знаю, что сказать, – слабо улыбнулся Хитров. – Может, в бытность твоей бабушки и существовали домовые, но электрификация всей страны их изгнала.

– Я в Интернете прочитала, – упорствовала Лариса, – их нужно задобрить, приручить. Хлебом вон угостить.

– На фига? Мышей у нас вроде нет.

– Они и за детьми присматривают. – Лариса поймала взгляд мужа и торопливо добавила: – Так написано. Домовых даже заводят, просят, чтобы они в новой квартире поселились. Хозяин-батюшка, заходи на новоселье...

Губы Хитрова растянулись в ухмылке, и Лариса не сдержалась, захихикала с видимым облегчением.

– Ну что, – виновато моргнула она, – дура я, а?

– Чуть-чуть, – утешил он и поцеловал жену в шею. – Не знаю, как батюшки, а тараканы точно заведутся. Да и с батюшками какими-то я особо сожительствовать не хочу.

– Ладно, уберу, – сдалась Лариса. – Пойдем ужинать.

– Сейчас, только на нашего домовенка Кузю погляжу.

– Не разбуди, я ее еле угомонила.

Хитров, продолжая улыбаться, пошел в спальню, которую весной переоборудовал под детскую. Оклеил обоями с диснеевскими персонажами, купил кукол, замок принцессы, игрушечные барабаны, чтобы дочка, повзрослев, стучала по тарелкам и бочкам с ним на пару.

Семимесячная Юла лежала среди подушек, выпятив круглую, упакованную в подгузник попку. Спала крепко, усердно, от стараний на верхней губе выступил бисер пота.

«Съесть хочется», – подумал Хитров, просовывая руку сквозь деревянную оградку кровати. Коснулся пятки в шерстяном носочке кремового цвета. Юла недовольно подтянула пух-

лую ножку. Она живо реагировала на музыку, предпочитала, правда, не хард, а что посложнее, без ритмических квадратов и последовательных аккордов. Фри-джаз, мудреный арт-рок. Авангардные импровизации.

Наш человек.

У стены, частично прикрывая отпечатанную на обоях Белоснежку, стоял книжный шкаф. Детское чтиво самого Хитрова вперемишку с подарками тещи-библиотекарши. Книги на вырост, от сказок народов мира до энциклопедии юной леди. Хитров прогулялся по корешкам, снял с полки желтый томик серии «Библиотека школьника». На обложке был изображен тот самый домовенок из кукольного мультфильма, чумазый и растрепанный.

Хитров вспомнил бессмертное «Нафаня!» и решил обязательно показать Юле лучшие советские мультики. Никакие Дисней и «Никелодеон» не заменят ребенку «Каникулы в Простоквашино», «Ну, погоди!», «Приключения кота Леопольда» и прочие шедевры.

Он повернулся к кровати, и ледяные когти ужаса впились под ребра. Зашевелились волосы на затылке. Хитров разлепил губы, но вместо имени дочери изо рта вырвался клеткот.

Юла стояла, взявшись левой ручкой за пруттик барьера. В правой она держала змею. Мерзкую, лениво извивающуюся гадину. Держала за хвост и трясла, как погремушку. Уплотнение на конце вертлявого тела издавало звук, похожий на пение сверчков или треск кастаньет. Звук, похожий на скрежет ножей, вспарывающих кишки остолбеневшего отца.

Голова гремучей змеи стелилась на постель. На кольца десятка других змей, которыми кишела колыбелька. Они ползали вокруг неустойчивых ножек, терлись о кремовые носочки и розовые икры. Жуткие петлеобразные движения крапчатых ремней. Из клубков таращились желтые, с вертикальными зрачками глазки гадюк, быстрые раздвоенные языки сновали между ядовитых зубов. Пружинисто поднимались треугольные головы, Хитров отчетливо видел ямки по бокам черепков, чешую на шкурах. Гадюки выбирались из наволочек, а Юла стояла по колено в этом гнезде и показывала папе трещащую, подрагивающую смерть.

– Доченька, – прошептал Хитров, – спокойно, доченька.

Юла наклонила голову, уткнувшись в плечико щечкой. Мягкий невесомый локон упал на лоб. Змея трепетала в коротких пальчиках.

Девочка улыбнулась радостно и сказала:

– Белая лилия черной зимы. Белая лилия черной зимы.

А потом гадюки стали вываливаться на пол сквозь прутья кровати и ползти к Хитрову.

3

Рейсовый автобус грохотал по обледеневшей трассе. За окнами, как мираж, возникали и исчезали поселки, блеклые и унылые оазисы в заснеженной пустыне. Тянулись припорошенные поля, ослепительно белые, с голубыми изломами. Насыпи отвалов вдоль горизонта. Курганы индустриальных богов. В земле махали кирками трудяги-гномы. Вздymались к пепельному небу башни Саурана. «Гигант», «Родина», «Слава» – грозные имена замызганных титанов.

Андрей оторвался от книги «Мореплаватели Средневековья» и рассматривал пейзаж снаружи. Склады, вентиляционные установки, копры. Надшахтные здания.

Он приезжал сюда прошлой осенью на именины мамы. С Машей: они поссорились и на обратном пути не разговаривали.

– Так не может продолжаться, – сказал он, – или мы всё забудем, или...

Автобус, покачивая боками, миновал коробку дробильно-сортировочной фабрики, пасущееся стадо грейдерных погрузчиков и мемориальную стелу на въезде в город.

Четыре часа дорожной тряски, и «икарус» причалил к скопищу ларьков, псов и старушек с лаптями-пирожками. Высадил симпатичных подружек-студенток и навьюченного сумками Андрея.

Декабрьское солнце отражалось в стеклах Варшавцевского автовокзала, золотило снежок. Его блики резвились на бортиках неработающего фонтана. С гнутых кранов свисали пики-сосульки, чашу фонтана захлamiло ледяное крошево. В нем таяли солнечные зайчики, как сливочное масло в каше.

Пузатый таксист предложил свои услуги, Андрей качнул головой. Поправил воротник пальто и зашагал по присыпанной песком аллее.

Требовалось немногим больше получаса, чтобы наискосок пробежать Варшавцево. Полузаброшенный, закованный льдом городишко. Серый корпус гостиницы с наглым названием «Москва». Старшаки рассказывали о гостиничных девицах легкого поведения. А одну девицу зарезал диковатый парень по фамилии Умбетов, сын школьной библиотекарши.

Ну и словечко всплыло: старшаки.

А вот и первые преобразования. Новенький аквариум «Шоколадницы». Пустые столики за стеклом, сиротливые горки конфет, скучающая официантка. Салон красоты, огромный портрет Хью Джекмана на фасаде.

«Занесло же тебя, Росомаха», – посочувствовал Андрей.

С билборда взирал честными глазами кандидат от правящей партии. Местный оппозиционер приписал к агитации размашистое: «Ворюга, где пенсии?»

Андрей родился и вырос здесь, в городке, рыжем от рудной пыли. За девятнадцать лет он вызубрил каждую пробоину обветшало́го асфальта, каждую трещинку на оранжевых фасадах пятиэтажек, да что там, каждую былинку окружающей Варшавцево степи.

Кинотеатр «Современник» крутил фантастику и боевики. Летние дожди превращали улочки в бурые болота, по которым шлепали калоши и гондолами плыли машины. У школы высился крашеный серебрянкой памятник Н. Л. Варшавцеву, коммунисту, геологоразведчику, первому директору шахты. Дребезжащие «ЛАЗы» по утрам увозили мужчин к таинственным шурфам и норам, жаль, Андрей не запомнил расположение пороховых точек на щеках отца-взрывателя, погибшего в забое.

Фантазия населила вампирами краснокирпичный цех. Превратила холм отвала в индейскую пирамиду, воронку за ним – в отпечаток лапы динозавра.

Летом было даже что-то очаровательное в их захолустье. За районной поликлиникой тонуло в зелени кладбище. Кусты смородины подпирали тропинки, сорняк бушевал в зазорах, в замусоренных оврагах. Благоухало жимолостью, жженым сахаром, гудроном. Простор

манил. Декабрь скрадывал неуловимую прелесть шахтерского городка, обезличивал. Заметал порошей.

В Варшавцево было два стадиона, две парикмахерских, две автомойки и две сотни балок. Прогуливаясь, пешеходы то и дело ныряли в них и выкарабкивались обратно на тротуар по кривым ступенькам. Покатые дворы рассекали облицованные крапчатой гранитной плиткой парапеты. С них сигала непоседливая детвора. По вечерам мужчины напивались и иногда убивали друг друга – для того существовали шашлычная «Каштан» и рюмочная «Терем».

На очищенной площадке за старым торговым центром гнил деревянный крест – постройка церкви планировалась с конца девяностых. Пока верующие ездили в соседнее село. Самым популярным местом отдыха был затопленный карьер. Вооруженные полотенцами и пивом граждане спускались к воде утрамбованной экскаваторами винтовой дорожкой. Там на глазах Андрея разбился о скальную породу шестиклассник.

В две тысячи пятом Андрею Ермакову исполнилось девятнадцать, и он без лишних сантиментов покинул Варшавцево, захлопнул, словно читанную вдоль и поперек книгу, которую впредь не собирался открывать. Порвалась пуповина, единственным связующим звеном была мама, но она предпочитала сама навещать сына, гостила у него три-четыре раза в год.

Связи с ровесниками Андрей не поддерживал, даже с Толей Хитровым. Хотя постоянно рассказывал Маше об их с Толиком приключениях. С пятого класса – не разлей вода. Футбол, мультики, коллекции фантиков, марок, фишек. Охота на водяных ужей и краснобрюхих каракуртов. Как-то им попала настоящая гадюка, угольно-черный меланист. Вылез погреться на плоском валуне. Толя испугался гадюки, а Андрей дразнил ее, пока черный шнурок не уполз, сердито шипя, в расщелину.

Позже был обмен кассетами, страсть к музыке, охота уже за альбомами рок-музыкантов. Синие столбики «Легенд русского рока» в киоске у автовокзала. Пирсинг в домашних условиях. У Андрея ушла минута на то, чтобы проколоть Толе мочку, а вот Толя возился час и измучил другу ухо: никак не мог вдеть сережку.

А дальше – своя группа, девушки, счастливые и пьяные ночи. И его отъезд.

Уши заросли, широкополосный Интернет пожрал заветные диски. Актуальное стало хвостом для ностальгического костра, который разводишь редко-редко – не до того. Растяпу и мечтателя Толю заменил прагматичный Богдан.

Мама сказала, что недавно Толя обзавелся ребенком. Он хотел позвонить, поздравить, но замотался в череде будней.

Погруженный в воспоминания, Андрей вышел к центральной площади. На девятое Мая тут чествовали ветеранов, на День города и День шахтера устраивали ярмарки. Порыжевшая великанша-ель стояла, оплетенная гирляндами, готовая к праздникам. Окропленный антисоветчиками-голубями Ильич подсказывал страждущим путь в рюмочную.

У Андрея оставалось две недели отпуска. Они с Машей планировали слетать на католическое Рождество в Чехию. Пражский град, Карлов мост, собор Святого Вита.

Человек предполагает, а Бог...

Андрей тупо уставился на пышную колоннаду Дворца культуры имени большевика Артема Сергеева. На мужичка в ватнике, скоблящего лопатой ступеньки.

«Чупакабра», – признал он. И вдруг почувствовал себя отлично. Как разочаровавшийся уфолог, пропивший телескоп. На площади, окольцованной завалами льда. В компании с Ильичом и потрепанным пьяницей.

«Когда нечего терять, можно долго протерпеть», – поучал Егор Летов.

Ветерок трепал афиши на стенде. Феерический спектакль «Дед Мороз и компания». Новогодний концерт. Бенефис некой певицы Таис. По будням прием у народного целителя, обещающего вылечить от табакокурения, наркомании, алкогольной зависимости и всех болячек разом. Знакомая реклама «Степных строк».

– К черту Прагу, – процедил Андрей. И затопал аллеями, из балки в балку. Подошвы узнавали город одновременно с глазами.

Дворы поросли, как поганками, спутниковыми антеннами, обзавелись железными дверями и белыми нашлапками утепления. За облезлым штaketником гнездились примеры народного творчества: лебеди из крышек, уродливые крокодилы из пластиковых бутылок и, совсем невероятное, львы из целлофановых пакетов. Снег заляпал будку сапожника, просели погребки, главный атрибут городка. Свисали великомучениками распятые на стволах каштанов плюшевые медведи и слоны.

Вот и дом, огороженная ржавой стекой футбольная площадка, врытые шины, доисторический самолетик на железном стержне.

Поздоровался с соседками, услышал вслед возбужденный гул:

– Андрюша Танин... телеведущий... про Антихриста смотрели в его передаче?

Автор «Мореплавателей Средневековья» рассказывал о французском палаче Ланкре. Направляясь морем к Бордо, Ланкр столкнулся с демонами. Они брели по водной глади, нескончаемая шеренга разномастных бесов. Изгнанные миссионерами, ковыляли в поисках пристанища. Бегемот, Левиафан, Кракен. Бедные бомжующие монстры. Андрей ощущал с ними родственную связь. Его тоже кто-то изгнал из насиженных мест.

Мама обняла в прихожей, расцеловала.

– А Машенька когда подъедет?

Мама была без ума от Маши. Как и все остальные.

– Да кто же ее под конец учебного полугодия отпустит?

– А трубку она почему не берет? – суетилась мама. Он расчехлял сумки, ставил на стол упаковки и баночки: тунец, маслины, кофе. – Да зачем ты тратился, сынок... Ой, бразильский, да?

– Кенийский.

– Трубку, говорю, не берет. Я звонила, звонила.

«Нас с тобой, ма, она вычеркнула из своей жизни», – хмуро подумал Андрей, а вслух сказал:

– Ну, занят человек. Перезвонит.

Мама была маленькой, подвижной, расторопной, как мышка.

– Я тебя люблю, – сказал он, примостив подбородок на мамину макушку. Волосы ее пахли черемухой.

– Вареники будешь? – спросила она.

– Убью за твои вареники.

Он откинулся на спинку стула и прилежно отвечал на вопросы о работе. Вопросов и замечаний накопилась уйма.

– Ты молодец, конечно. В кадре как смотришься! Звездочка наша. Но бриться надо, сынок. Это же телевидение. А ты, бывает, со щетиной там. Нехорошо. Но храбрый какой! Я бы в ту усадьбу графскую и за миллион не зашла. А ты... в полночь...

– Да какая полночь, ма? Кто в полночь снимать выйдет? И усадьба... это на экране она усадьба, а так – помойка. Шприцы везде валяются, дерьмо. Вонь страшная. Всё подделка, мам.

– Прямо всё?

– До единого кадра.

На столе появилось блюдо ароматных вареников, толстячков в золотых кружках лука. Горшочек со сметаной.

В животе заурчало.

Уплетая вареники, он поинтересовался варшавцевскими новостями.

Мама подробно рассказала о Жучке (Жучка ошенилась, и некуда девать потомство) и парой слов обмолвилась о похоронах бабы Зины. Но Андрей бабу Зину не помнил. Ника Ковач улетела в Японию, танцует в шоу-балете. Прооперировали Алпеталину, классную руководительницу Андрея, удалили ей грудь. В супермаркете скидки.

– А Солидол не помер?

– Володька-то? Весной из тюрьмы вышел. Ошивается без работы. Ну как вареники?

– Как боженька лепил.

Он спросил про квартиру на Быкова. Двушка покойной бабули пустовала одиннадцать лет. Репетиционная точка «Церемонии» времен первого созыва. Его логово. И Толика.

– Что с ней станется? – пожала плечами мама, но лицо ее помрачнело. – Продавать нет смысла, копейки дадут. Из Варшавцево все сбегает, а там колонка – хлам, ремонт дороже квартиры обойдется. Я хожу раз в неделю, пыль протираю.

Мама зазвенела чайником.

Разомлевший Андрей поглаживал живот. Вареники были съедены, чай допит вприкуску с перченными сплетнями. Он – какой-никакой журналист, мастерски уводил маму от разговоров о личном. В степь прошлого, где под ногами не тикали мины, маркированные Машиним именем. Где носился за бабочками румяный беззаботный барчук Андрейка.

Но и эти темы исчерпали себя.

Маша, Маша, Маша...

Он встал, потянулся:

– Уморился с дороги, мам. Завтра к тебе зайду. Где ключи от бабушкиной квартиры?

– Здесь ночуй! – всполошилась мама. – Я себе на диване постелю, удобно.

– Да ну, глупости. Зачем-то же есть у нас та квартира.

Мама молчала, вперив взор в пол.

– Ты чего? – удивился он.

– Не хочу, чтобы ты там ночевал. Там, наверное, крысы завелись.

– Какие крысы? – спросил он недоуменно.

– Ну или тараканы... – жалобно настаивала мама.

– Я тараканов не боюсь, я мальчик взрослый. Ты мне объяснишь, в чем дело?

И непроизвольно хохотнул, когда мама сказала:

– Я думаю, в бабушкиной квартире живет привидение.

Дом, в котором дебютировала дробью спиц по картонным коробкам группа «Церемония», располагался на окраине Варшавцево. К нему прилегал частный сектор, а дальше раскинулась степь. Три хрущевки выстроились буквой «П». Ввинченные в сугробы фонари озаряли разваленную песочницу, пару турников и склепанную из фанеры хижину. Избушку без окон. Лиана электрического провода ползла к ней через ветку ореха, и оранжевый отсвет лился на снег из неплотно затворенных дверей. С ним наружу проникал лающий смех. Табличка на хибаре гласила: «Комната отдыха ветеранов труда».

Андрей переехал на улицу Быкова после бабушкиной смерти и прожил здесь полтора замечательных года. «Ветеранская комната», на местном жаргоне – «халабуда», была единственным темным пятном того безоблачного периода. В ней обитало нечто похуже привидений: варшавцевские гопники.

Они захватили хижину, как пираты захватывают корабль. Ветеранов за борт, поднять черный флаг. Самым опасным был Вова Солидол. Не его ли гиений хохот раздастся оттуда сейчас?

Андрей пересек двор и вошел в подванивающий мочой подъезд.

Бабушкина квартира находилась на первом этаже. Солидол обитал тремя этажами выше. Озлобленный и жестокий ублюдок. Впрочем, они не виделись давным-давно, а возраст – Вова был старше лет на шесть – мог положительно изменить неприятного соседа.

Обходя зловонные лужи, Андрей гадал: Солидол ли до сих пор мочится в собственном подъезде, или выросло новое поколение таких же солидолов?

Он открыл обшитую дерматином дверь, клацнул выключателем. Нюх различил знакомый, едва ощутимый запах. Квартира, много лет пустовавшая, сохранила свой индивидуальный, пробуждающий ностальгию аромат.

– Ну, привет, – поздоровался Андрей.

Ему не ответили. Ни призраки, ни обдолбанный Сид Вишес, кривляющийся на плакате.

Старая мебель, скромная обстановка. Измочаленный коврик на полу. Чавкающие подошвой тапочки. Диван, стол, изжевавший тонну пленки магнитофон «Кассио», телевизор LG.

Он повертелся в зале, проведаль спальню. Мама выбросила бабушкин гардероб, сломанную кровать, продала швейную машинку. В узкой и длинной комнате, на самопальной репетиционной базе «Церемонии», осталась лишь тумба, и Андрей заулыбался, увидев подвесной замок на ее дверцах. Это он, уезжая учиться, запер тумбочку. В ящике хранились утратившие всякую ценность сокровища. Коллекция аудиокассет.

Окно спальни выходило на частный сектор. В одном из тех домов, вспомнил вдруг Андрей, жил Саша Ковач.

Ковач был его кумиром, он еще в конце девяностых создал свою группу, просуществовавшую четыре года, – «Подворотню». Трое тощих парней играли злой панк-рок на расстроенных инструментах – их выступление в ДК Артема стало ярчайшим впечатлением для подростка Ермакова. Организаторы концерта на второй песне вырубili «Подворотне» звук, а Ковач показал опешившим зрителям средний палец. Варшавцевские мужики могли за этот жест утопить в карьере.

Круче Сани Ковача в городке не было. «Церемонии» бы такого басиста, – мечтал Андрей. Кинчев и Летов – небожители, а Ковач вот – шляется по району, мрачный, дикий, в шрамах и кустарных татуировках, с торчащими дыбом волосами. В лютые морозы не снимает куртку-косуху. Настоящий панк.

Ковач, конечно, не обращал на неофитов из «Церемонии» никакого внимания. Им было по пятнадцать, ему – двадцать. Они использовали вместо барабанной установки конфетные коробки, а «Подворотня» сыграла полторы песни на сцене Дома культуры. Разный уровень.

Саня вряд ли вообще знал о существовании Андрея, хотя тот еще шестиклассником при-
ялествовал с его младшей сестрой и неоднократно бывал у них дома. Туалет Ковачей про-
изводил неизгладимое впечатление. Там, над сливным бачком, висело два постера. На первом
был изображен монстр, скелет, сжимающий в клешне окровавленный топорик. Свободную
лапу он протягивал к Андрею, мешая писать. Много позже Андрей узнал, что монстра звали
Эдди, он был символом и талисманом группы «Iron Maiden», и постер являлся обложкой
шикарного альбома «Killers» восемьдесят первого года.

Второй плакат тоже будоражил воображение Андрюши. На нем обнаженная фотомodelь
Анна Николь Смит выставляла свои избыточные прелести. Придерживала руками огромный
бюст, словно вручая его мальчику. Демонстрировала даже светлый пушок на лобке, и гость с
порога спешил в туалет, мол, припекло, невтерпёж. Ему казалось, мисс Смит позирует специ-
ально для него.

У Ковачей было в избытке всего интересного, и однажды Андрей и Ника застали Саню
спящим в кресле. Его предплечье перехватывал тугой жгут, шприц лежал на журнальном сто-
лике. Ника разрыдалась и принялась ладошками колотить брата по голому торсу. Он проснулся
и вяло мычал:

– Ну, тише, тише, малая.

Идущие на репетицию «церемонщики» разочарованно хмыкали, заведев Ковача в ком-
пании с Солидолом. Задевалась куда-то его косуха, глаза сделались водянистыми и плоскими.

Он умер от передоза героина в две тысячи пятом. Околел на унитазах, под присмотром
Эдди и грудастой Анны Николь. Локальной звезде рок-н-ролла было двадцать четыре года.

– А ты еще такой крепкий старик, Розенбом, – прошептал Андрей.

Кухня ни на йоту не изменилась. Тот же холодильник – всунь штепсель в розетку, и он
затарактит угрожающе. Та же оранжевая, с подсолнухами, клеенка на столешнице. Достаточно
прикрыть веки, и услышишь звон бутылок и голос Хитрова. Смех ветреных подружек и рас-
суждения о будущем группы.

По линолеуму, всполошенный светом, семенил прусак. Насчет тараканов мама не ошиб-
лась.

Андрей представил, что это его шева сматывается к батарее. Его боль утраты. И прихлоп-
нул дезертира тапком. Стряхнул трупик в мусорное ведро. С соплями покончено. Никаких
шев, никакой порчи, никакой жалости к себе.

«И никакого Интернета», – вздохнул он, включая в большой комнате телевизор. Пульт
среагировал после третьего нажатия. На пыльном экране заплясали снеговики. Диктор осве-
домил, что Новый год затрещит салютами уже в эту субботу.

Зомбоящик – очередной виток возвращения к корням.

Андрей достал книжку и устроился поудобнее на диване. Соседи сверху дали о себе знать
галопом из угла в угол комнаты. Качнулась, задрезжала хрусталиками люстра под потолком.

«Я же не выжила из ума, – настаивала мама. – Сажу я на кухне, слышу, в бабушкиной
спальне кто-то ходит. И как бы шелкает. Кляц-кляц-кляц... я сразу о твоих передачах вспо-
нила».

«Меньше бы ты смотрела всякую дрянь», – подумал он.

Лампа устаканилась. Накалялась перепалка этажом выше.

– Вот и твоя барабашка, мам, – сказал Андрей пустой комнате.

Попытался читать о кораблях испанцев, но мысли плавали в иных морях. Он поймал себя
на том, что листает страницы, проклиная Богдана.

«Счастлив ты теперь, будущий папаша? А чего бы не быть счастливым. Какую красавицу, умницу отвоевал».

Захотелось пропустить рюмочку горячительного напитка. Отметить возвращение. Проверить заодно, работает ли их с Толиком любимый магазин.

Через пять минут он хрустел снежком по двору.

В халупе брэнчала акустическая гитара, и хрипловатый женский голос задушевно пел:

Что же, фраер, сдал назад?
Не по масти я тебе!
Ты взглядишь в мои глаза,
Брось трепаться о судьбе.

Вот бы свернуть за дом, мечтал Андрей, и столкнуться с Толькой. Не со взрослым семейным мужчиной Хитровым, а с патлатым Толькой-барабанщиком. Затариться темным «Козелом» калужского производства или белорусским «Лидским». Вином, вкусным, как слюни верблюда, жевавшего гнилые фрукты. И, чтобы наверняка, «Калиной красной», и острого хрена в нее покрошить. Но, упаси боже, не сатанинским бальзамом «Бугульма», от него пучит и тянет на подвиги. Как-то, переборщив с нектаром, Толя залез на подъездный козырек и оттуда в одних плавках нырял в сугроб.

«Век с тобой, мой мусорок», – заводила барышня из беседки. И что-то еще про рамсы, понты и чайные розы.

Над магазином на торце пятиэтажки горела вывеска «Степь», готический почему-то шрифт, где «с» читалось как «о», «т» – как «м», сросшиеся «п» и «мягкий знак» – как единое и неделимое «н», а вместе получалось «Омен». Название мрачного ужастика семидесятых годов.

Внутри, к сожалению, сделали ремонт, исчезла батарея липких стекляшек бальзама. Желудок тридцатилетнего Ермакова, впрочем, не осилил бы напитки юности.

Он купил самое дорогое виски, сунул бутылку под пальто и пошел обратно, мысленно споря с Толей, из чего в действительности варганили плодово-ягодные вина.

Возле фанерной хибары отирались трое.

– Э, земля, – прогундосил коренастый мужик, направляясь к Андрею, – руки в карманы, на макушке чудом держится красная дед-морозовская шапка, под глазами лиловые новогодние мешки.

Десять лет назад душа Андрея при этом вот «земля» ушла бы в пятки. Нынешний Андрей равнодушно покосился на коренастого.

– Сигу дай, земляк.

Куриль Андрей бросил в университете. Маша терпеть не могла запах табака. Видно, с никотиновой зависимостью Богдана она смирилась проще.

– Нету, извините.

– А полтос есть? – не отставал тип.

Его дружки, точнее дружок и подружка, повернули головы.

– И денег нет, – соврал Андрей.

– Кризис, да? – щерился коренастый. – Санкции?

Андрей уверенно шагнул к подъезду, к покосившимся фонарям.

– Э... – дыхнул перегаром мужик, – я тя знаю! Ты тот, из телика. Э!

Финальное «э» адресовалось парочке приятелей.

Настроение Андрея стремительно портилось.

– Че там, Юр? – осведомился товарищ Красной Шапки.

Закряхтел ледок. Ладонь Андрея, придерживающая бутылку виски сквозь полы пальто, мгновенно вспотела, и между лопаток закололи ледяные иголки. Он искренне пожалел, что

выбрался из квартиры. Годы бежали вспять, школьник Ермаков торопился к бабушке, но у местных ребят были свои планы на его счет. Он подумал невпопад о Хоме Бруте, о бедном дрожащем бурсаке в центре мелового круга. Вий встал у границы фонарного света, харкнул слизью и переступил черту.

– Здорова, – сказал Солидол, когда-то поклявшийся вспороть Андрею Ермакову кишки.

5

В тюрьме Солидола откормили. Округлились щеки, заштрихованные бурой щетиной. Появился дополнительный подбородок. Черты его лица, волчьего, угрюмого, смягчились. И череп не был брит наголо, а оброс соломенными волосами едва ли не длинней, чем когда-то у Ермакова. Из-под расстегнутой заводской тужурки выбилась засаленная веревка, по тельняшке раскачивался деревянный крест.

«Уверовал? – Андрей уставился на распятие. – Воцерковился?»

У «Церемонии» была шутливая, ерническая песня про Вову.

«Воу-воу-воу», – квакала примочка.

Та-та-та-та-та, – стучал Хитров по тарелкам, настоящим уже, купленным на сэкономленную стипендию. Учился Толя в ПТУ, готовился стать электриком.

– Вова обрел Христа! – кричал Андрей в микрофон. – Длинные волосы бога смущают Вову, а так...

И дерзким хором:

– Ничто не смущает Вову!

Спеть этот хит непосредственно Солидолу было равноценно самоубийству, особенно боевой припев.

Неужели песенка оказалась пророческой?

В целом Вова выглядел неплохо, гораздо лучше экающего кореша. И небесно-голубые глаза смотрели на Андрея трезво, внимательно. Одной рукой Солидол придушил гитарный гриф, второй обхватил за талию крашеную брюнетку. Она была похожа на Орнеллу Мути, но с осунувшимся лицом и сыпью вокруг покусанного рта.

– Зыряй, Танька, – сказал Солидол, – какие у нас звезды по улицам дефилируют. А ты уехать хочишь. Все, наоборот, к нам прут.

И потолстевший, разленившийся, он источал властную силу, ту, которой всегда недоставало Андрею. Тот вспомнил, как Солидол притормозил его на предмет мелочи, деловито обчищал карманы. Июльская пчела села на губу Вовы, и он, глазом не моргнув, резко всосал ее, поболтал языком и сплюнул желто-черное тельце. Точно фокусник. И маленький Андрей, испуганный и затравленный, восхитился животной смелости врага.

– Ага, – сонно сказала брюнетка и потерла нос.

– Держи краба, звезда, – Солидол оторвал пятерню от подружки.

«Кранты тебе, сученок, – орал он вслед убегающему Андрею шестнадцать лет назад. – Достану из-под земли, и Ковач не спасет».

Андрей надеялся, что рукопожатие вышло крепким, уверенным.

«Черт, – подумал он кисло, – почему меня волнует, какое мнение сложится обо мне у этого уroda?»

Урод был дружелюбен, и Андрей расслабился.

– Сышишь, – встрял Юра – Красная Шапочка, – а петарды есть?

– Какие петарды, – осек его Солидол, – ты с элитой базаришь. Козявку высморкай. – Он беззлобно хлопнул Андрея по плечу: – А правда это все в передаче или разводняк для лохов?

– Художественный вымысел, – проговорил Андрей.

– Разводняк, значит, – покивал Солидол. – А ты снимать к нам или так?

– К матери, – будто оправдывался Андрей.

– Мать – святое, – вставил заскучавший Юра. – Погнали допивать, Вох.

– Ща. Так ты в отпуске, что ли?

– В отпуске.

– Так идем хряпнем, отпускник. У нас там перцовочка, сырочек, закусоиды, – он показал на беседку. – И на гитарке нам слабаешь, ты же малым лабал, да?

«Ага, – подумал Андрей, – про Вову и Христа».

– Я спешу, – сказал он вежливо. – Меня девушка ждет.

– А-а, – Солидол многозначительно подмигнул, – тогда валяй. Девушек обижать нельзя.

– Нельзя, – повторила брюнетка Таня.

– Спокойной ночи, – сказал Андрей.

– До встречи.

У входа в подъезд его окликнули протяжным «э-э-э».

– Сыщишь, – крикнул Юра. Он мочился на орех, приспустив до колен штаны. – А кто экспедицию Дятлова замочил?

– Лавина, – сказал Андрей и закрыл подъездные двери.

Он ввалился в квартиру, похрюкивая от смеха. Стащил пальто. В большой комнате продолжал болтать телевизор.

«Ну и ну, – отсмеивался Андрей, – задружил с Солидолом!»

Отыскал на кухне надтреснутую, украшенную фиалками чашку, прополоскал под краном и плеснул янтарную жидкость. Отсалютовал беседке за окном. Выпил, налил и пошел к телевизору. На душе посветлело.

Он вынул из пакета белье, которое передала мама, застелил диван, упаковал подушки в свежие наволочки. Не стал возиться с пододеяльником. Плюхнулся на постель в джинсах и свитере, набросил на ноги траченный молью плед. Маша не похвалила бы его за такое поведение.

– К черту тебя, – отчеканил он, – Богданом своим командуй.

Простыня пахла лавандой. По телевизору мексиканские полицейские провожали на пенсию служебных собак.

Мышцы приятно ныли.

Андрей пригубил виски. Махнул пультом, как волшебной палочкой. С орденосных песиков – на симфонический концерт, с концерта – на дебелую девицу в полупрозрачном пеньюаре.

– Позвони мне, – бархатным голосом призывала девица, – поговори со мной, мой полуночник.

Андрей положил пульт на живот, устроился поудобнее. Выпил, придирчиво оценивая девушку.

– Силикон, – сказал неодобрительно.

Девушку сменила ее коллега в бикини. Она ласкала себя трубкой радиотелефона и активно задирала ноги.

У Андрея не было секса с июля. Почти пять месяцев воздержания. Самый долгий перерыв за взрослую жизнь. У него отняли самое простое.

Он любил Машу, но порой ему доставало разнообразия. Штормовая страсть первого года отношений перешла в спокойный семейный штиль. В обыденность, в бытовуху. Арсенал поз сократился до трех базовых. Он знал, как гарантированно и быстро довести ее до оргазма. Она тоже не оставляла его неудовлетворенным, никогда не ссыалась на мигрень, как жены из анекдотов. Технично, слаженно, одной командой. Вполне нормально, спокойной ночи.

Отношения застоялись. Насколько важна для него Маша, он осознал лишь благодаря Богдану.

Андрей поерзал, заставил себя думать о чем-то более радостном. О времени до Маши. До переезда.

О Люде, с которой он потерял девственность. Здесь, на этом ворчливом диване, четырнадцатого февраля – легко запомнить. Он привлекал женский пол, у Толика дела обстояли хуже, друг терпел фиаско за фиаско.

Андрей брал стихами. И чужими, которые цитировал наизусть, и собственного сочинения. Люде он посвятил сонет, а когда появилась Лида, переписал окончание строки, приспособив рифму под имя новой пассии.

Толя рекомендовал ему найти Любу и создать триптих.

Да, Ермаков был удачливее и Толи Хитрова, и расторопного Богдана. И куда его привел фарт?

Он отставил стакан. Леня идти за добавкой. Воркование мадмуазель из телика усыпляло.

– Позвони мне. Или нет, не звони... Ты не был таким уж классным мужчиной, как думают окружающие тебя люди. Прямо скажем, на троечку, Андрюша.

Андрей ткнулся носом в подушку.

«Моя невеста полюбила друга, я как узнал, то чуть их не убил...»

«А все же, – решил он, – хорошо, что, ночуя тут после маминого дня рождения, мы разругались и не занялись любовью. Хорошо, что диван не ассоциируется у меня с тобой».

Ему приснился Богдан. Они жарили шашлыки и смеялись.

– Клац, клац, клац.

Андрей распахнул глаза. Сквозь занавески проникал серый утренний свет, часы показывали без десяти семь. Эротические зазывалы спали в своих будуарах, камера парила над африканской саванной. Стая гиен пожирала дохлую антилопу, отрывала от туши сочные шматы.

– Уроженец Зимбабве зверски убил своего партнера-гомосексуалиста и употребил в пищу его сердце...

«То, что нужно с утра», – поворочался Андрей. Просигналил мочевой пузырь.

На экране возник ресторан, дюжий повар, шинкующий кусок мяса.

– Земельный суд Дрездена вынес приговор бывшему полицейскому, съевшему сердце гражданина Польши...

Вещая о своеобразных гастрономических пристрастиях, диктор будто глумился, в голосе проскальзывали искорки неуместного веселья.

Андрей поволочился в туалет.

– Шокирующее видео потрясло мир в две тысячи тринадцатом...

«Алла-а-а-ах акба-а-а-ар!» – завопили из комнаты. Словно кто-то прибавил громкость.

– Воистину акбар, – сказал Андрей, смывая за собой унитаз.

– На снятых в Сирии кадрах видно, как хомсыйский лидер повстанцев поедает сердце солдата правительственных войск.

За спиной грохнуло, и Андрей подпрыгнул от неожиданности. Застегивая ширинку, вернулся в большую комнату. Пробежал глазами по интерьеру и, не обнаружив источника грохота, двинулся к спальне.

– Традиция закусывать сердцами врагов явилась к нам из седой древности. Южная Африка и античная Греция, аборигены Австралии и Тасмании, индийские адепты течения Агхори и индейцы яноама...

На фоне запел ирландскую балладу Том Лерер.

Тапочки хлопали по ковру.

«Rikkity tikkity tin», – задорно выводил Лерер под аккомпанемент пианино. В песне говорилось о вредной горничной, которая распилила младенца и приготовила из него рагу.

– Ритуальный каннибализм – удовольствие, которого мы лишились?..

Андрей заглянул в дверной проем.

Посреди спальни лежала опрокинутая тумбочка. Дверца была открыта, замок болтался в скобе.

«Rikkity tikkity tin»...

В такт балладе внутри тумбочки что-то защелкало, и Андрей оторопело подумал о жуке, расправляющем крылья.

Из куба, годного разве что для хранения кассет, из нашпигованного бесполезным прошлым ящика, высунулась крошечная ручка. Она уцепилась за полированный край. В сумраке Андрей различил изящные пальчики, аккуратные лунки ногтей.

Выгнулось треугольником плечо и предплечье прятавшегося в тумбе человечка, круглый локоть, напоминающий шарнир.

«Rikkity tikkity tin», – ерничал американский сатирик.

Андрей отшатнулся, прислонился к стене, тяжело дыша.

По его губам расплылась нервная ухмылка.

«Ты видел? Ты это видел? Это...»

За стеной тихонько щелкало. Звук, с каким тасуют костяшки домино. Или...

«Ты знаешь, – шепнуло подсознание, – так терлись друг о друга выточенные из слоновой кости детали. Давно, в голове стонущего от боли ребенка. Маленького Андрюши Ермакова».

Он метнулся через комнату, сорвал с вешалки пальто, подхватил ключи и ботинки. Босиком выбежал на лестничную площадку и захлопнул дверь.

Ледяной бетон проседал под пятками, как палуба тонущего корабля.

В трубах завывал ветер.

«Ну же, – требовал от себя Андрей, – объясни давай!»

Игра света и тени – раз. Порождение утомленного мозга – два. При...

– Призрак, – сказал Андрей.

И захихикал.

– Черт бы тебя подрал, Андрей Вадимович. Мама была права. Это самое натуральное привидение. Каспер из ящика с коллекцией «Гражданской обороны».

Он взъерошил волосы и обратился к черному дерматину дверей:

– Эй, ты! Ты там или у меня крыша поехала?

В ответ белая точка «рыбьего глаза» исчезла. Кто-то припал к глазку и смотрел на Андрея.

6

Ника Ковач опустилась на колени и дотянулась до гланд наманикюренными ногтями. Струйка выпитой минералки потекла в унитаз, две подтаявшие таблетки поползли по фаянсу.

Успела. Она прислушалась к ощущениям и вздохнула, не почувствовав знакомой легкости в голове, такого желанного и ненавистного безразличия.

Голова оставалась ясной.

Ника дала себе слово покончить с колесами, а слово она старалась держать. Но разбирая чемоданы, она нашла парочку пилюль из старых запасов и автоматически закинула их в рот. Отвращение опередило приход. Ее передернуло от омерзения к себе, настолько сильного, что не обязательно было стимулировать гортань.

Последний раз она принимала наркотики на «sayonara-party», вечеринке в честь ее отъезда. У киевлянки Светы в аптечке всегда были полезные лекарства. Чтобы меньше себя презирать, чтобы ксерокопированные физиономии посетителей слились в Одного Большого Японца, многоликую гусеницу, извивающуюся вокруг танцпола.

Теперь это часть прошлого: острова, клуб, корпоративные правила, необходимость заученно улыбаться. Выглядеть безупречно, быть доброжелательной, когда хочется колотить посуду, наматывать на пилон внутренности тэнчо, управляющего. Пять дней в неделю носить вечерние платья: в субботу великодушно позволялись отдельные наряды. И каблуки... вышвырнуть все туфли на высоких каблуках! Выблевать Японию, как пилюли апатии.

Она бы и деньги сожгла, йены и доллары, ради которых поперлась в Азию. Но благоразумие восторжествовало.

– Ирассияимасэ, – прошептала она. – Добро пожаловать.

Ника почистила зубы и вернулась в комнату, где чемоданы-аллигаторы выплюнули на пол вещи. Театральные костюмы, ботфорты, кожаное белье.

«Зачем я тащила домой этот мусор?» – изумилась Ника.

Сборы она помнила плохо. Как и осень вообще. В сентябре еле оклемалась от болезни, тяжелого отравления. Ее нокаутировали купленные у разговорчивого филиппинца креветки. Пришлось брать больничный и оплачивать штраф. Хозяин клуба, Папа-сан, относился к танцовщицам как строгий отец.

Ника плотно сдружилась с фармацевтикой, официальной и не очень.

Она пнула ворох блестящих шмоток. Вынула из груды линялую футболку с изображением бога Ганеши.

Степной ветер боднул стекла, принес мелодию серебряных колокольчиков и бамбуковых флейт.

Нет, Япония не была беспросветным адом. Великолепие храмов, замки сегунов, воскресные прогулки по Нагое...

И на работе все могло сложиться гораздо хуже, учитывая ее удачу. Ее не принуждали к интиму. Клиенты иногда поражали, проявляя скромность и благородство. Приглашение на ужин – дохан – подразумевало именно ужин. Иммиграционную полицию устраивала ее рабочая виза. В графе «профессия» значилось гордое «артистка балета».

И никаких конфликтов в духе фильма «Шоугелз». Радужный коллектив, в меру сволочной начальник.

Почему же она казалась себе сашими, насаженной на прутик рыбкой, которую гости уплетают заживо, отщипывают палочками-хаси плоть и макают в соус? И уже обнажаются ребра и позвоночник, а она таращится на едоков смиренно.

Саша, будь он жив, выпорол бы ее ремнем. И перерезал бы половину токийских мужчин, осмелившихся глазеть на сестру. Соседские бабули заклеили бы проституткой, хотя миновал год с тех пор, как она занималась сексом.

Но Саня бросил ее одну, свалив за героиновый рубеж. А мнение посторонних людей ее не волновало.

Погрызенная рыбка соскользнула с крючка и поплыла к истокам.

– Ах, вот ты где! – Ника выудила из тряпья деревянную статуэтку с кулачок величиной. Сувенир, купленный на счастье в Наруто. Круглая головка, цилиндрическое тельце. Поставила куколку на сервант, рядом с фотографией брата.

Включила музыку и неспешно переоделась. Черные джинсы, кофта-кенгуру поверх Ганеши.

Декабрьское солнце заглядывало в комнату. Семь утра – она обычно выходила из клуба в это время. Ее распорядок дня ждет серьезная перековка.

Родной дом был непривычно огромным. В Японии они с подружками занимали лилипутские апартаменты. Двухъярусные кровати, общаговская теснота. Даже странно перемещаться, не травмируясь об углы и мебель.

Так и не разобравшись с вещами, Ника двинула на кухню подкрепиться кофе.

Проходя мимо туалета, заметила краем глаза яркий мазок на бежевом кафеле.

Посмотрела через плечо и застыла как вкопанная. Дыхание перехватило, будто ее придушили горячей салфеткой.

Над унитазным бачком висело два постера. Первый изображал хэви-металлического демона. Черные провалы глаз, пара отверстий вместо носа, шкура сухая и морщинистая, словно кора дерева. Демон скалил безгубый рот, тянул к девушке скрюченную лапу. Во второй лапе он держал окровавленный топорик. Жертва находилась за кадром, лишь руки, тщетно моля о пощаде, цеплялись снизу за футболку убийцы.

Зрачки демона буравили Нику.

На постере слева пышка Анна Николь Смит предлагала зрителю свои полусферы, но ничего соблазнительного в ее позе не было. Кожа скончавшейся то ли от пневмонии, то ли от передозировки модели отливала нездоровой синевой, а глаза глядели так же злобно, как глаза ее оскаленного компаньона.

Постеры повесил в туалете Саня, но после его похорон они задевались куда-то, и Ника совсем этому не огорчилась.

Теперь они вернулись в чуть более гротескном виде, потому что...

«Потому что колеса таки торкнули меня», – подумала Ника.

Естественно, никакого рокера-демона и никакой усопшей плеймейт в туалете быть не могло.

Бранясь по-японски, Ника обула угги, натянула пуховик. Перехватила резинкой волосы.

На свежий воздух, проветриться, вышибить из мозгов дурь.

Она хлопнула калиткой. Выдохнула, собираясь с мыслями.

Снег успел подтаять, тропинка заболотилась. Месиво из грязи и песка. Было тепло, вопреки прогнозам синоптиков. Те гарантировали минус двадцать. Приятно осознавать, что не ты одна постоянно лажаешь.

«Надо найти нормального мужика, – рассуждала Ника, шлепая по жиже. – Высокого стройного брюнета. Непременно красивые кисти. И идеально чистая обувь».

Варшавцево походило на затопленные талым снегом рисовые поля в пригороде Токио. Улицы поражали безлюдностью. Одинокий парень стоял на ступеньках круглосуточного магазина, и кроме него...

Нике захотелось себя ущипнуть.

Продолжают глючить таблетки? Тогда галлюцинация гораздо симпатичнее «плакатного» миража.

У круглосуточной «Степи» сражался с пачкой «Мальборо» высокий стройный брюнет. Неумело рвал целлофановую упаковку, но сигареты не поддавались.

Андрей Ермаков, ее первая любовь. Ее сладкие девичьи грезы и записи в тайном дневничке. В семь утра, возбужденный и расхристанный. И... черт, красивый.

Ника – ну почему нельзя было накраситься? – приблизилась к другу детства.

Ермаков оторвался от злосчастной пачки, посмотрел на нее светло-кариими глазами и сказал:

– Ника. А ты не призрак, Ника?

Она рассмеялась, и напряжение мгновенно испарилось. Будто они виделись вчера.

– Я собиралась спросить тебя о том же.

Она забрала у него сигареты и соскоблила пленку. Вернула ему открытую пачку. Рассматривая ее чуть ошалевшим взглядом, он сунул сигарету в рот. Давать прикуривать клиентам входило в ее обязанности, и она щелкнула зажигалкой. Его кисти... Его кисти прошли аттестацию.

Она опустила взор. Ботинки Ермакова были заляпаны грязью.

«Не принципиально».

– Как ты... – Ермаков подавился дымом и закашлялся.

«Интересно, – промелькнуло в голове, – он помнит про шкаф и журналы?»

– Прости, – сказал он, отфыркиваясь, – я не курил восемь лет.

– Зачем начал? – спросила она, поджигая свою сигарету.

– Прошлое настигает. Ника... Черт, Ника!

Он обнял ее, как обнимают старых дружков: «Привет, малявка!»

– Мама говорила, ты в Японии.

– Вчера вернулась.

– И я вчера...

Он улыбался широкой растерянной улыбкой.

– Это судьба, – заявила она. – Ты чем-то занят сейчас? Я бы прошлась, посмотрела город...

– Нет! – обрадовался он. – Не занят. Ты не представляешь, как мне не хочется идти домой.

– Представляю.

Они зашагали по аллее. Улыбаясь друг другу, откровенно друг на друга таращась.

– Расскажешь, что ты делаешь на улице в такую рань?

– Сигареты покупаю.

– Восемь лет не покупал и...

– А давай начнем с тебя, – увильнул он от темы. – Ты надолго прилетела?

– Насовсем. Тошнит от суси.

– И как тебе родина? – он окинул жестом убегающий вдаль пустырь, кучки собачьего дерьма, остов гаража и рыжие холмы на горизонте.

– Я в восторге. Угадай, кого я встретила вчера, сойдя с автобуса? Чупакабру!

– Его встречают все здешние возвращенцы! – засмеялся Ермаков.

Ему было четырнадцать, а ей двенадцать, когда они поцеловались. Без языков, но в губы. Это он помнит?

– Но как тебя туда занесло? Не было страшно лететь одной?

– Я и тут была одна, – пожала плечами Ника, – мама умерла в две тысячи седьмом... про брата ты знаешь. Я полтора года проучилась в горном, но быстро поняла, что профессия геодезиста – это не мое. Бросила учебу, пошла работать официанткой, потом барменом. Не то чтобы официантка – «мое», – торопливо добавила.

– А танцы?

– Ну, я же в нашей «Грации» танцевала. Опыт какой-никакой был. Наткнулась на объявление в Интернете, прошла кастинг, заключила контракт.

– Я думал, это балет.

– Нет... такой мюзикл.

– Слава богу. Я балет терпеть не могу.

– И я... Я была самой старой танцовщицей в труппе. Двадцать восемь лет, меня бабушкой называли.

– Тогда я прадедушка. Песок сыпется, вон, – Ермаков кивнул под ноги, на размокшую желтую муку.

Они спускались узкой дорожкой к карьере. Андрей расспрашивал про Токио. Метро, люди, кухня... Она рассказывала истории, которые будто и не наяву происходили или в чьей-то пропорхнувшей мотыльком жизни, а над черной бездонной водой клубился молочно-белый туман. Сколько раз они купались в ней, ныряли с валунов? Худенький подросток и нескладная плоскогрудая девчонка.

– Японцы до ужаса вежливые, – рассказывала Ника, – благодарят за любой пустяк по часу. Но дверь перед девушкой не придержат, не пропустят вперед. Инфантильные очень. Гламурные. Много работают и много пьют. Мазохисты... И не выговаривают букву «л»... Один парень... едва ли не из якудзы... втюрился в мою подружку. Выучил «люблю» по-русски и носился за ней, татуированный амбал: «Рубрю! Рубрю!»

Они засмеялись, стоя над мглистым обрывом.

– А ты на японском говоришь?

– Не! Я к репетитору ходила... Ну разговорный – кое-как, рэпера-тинэйджера, может, и пойму. Там грамматические формы относительно несложные. Сотню иероглифов накарябаю. Ага, из нескольких тысяч. Я сломалась на этом... транс... транскрибировании. Где «си», где «ши» или «щи»... поливановская система, хэпберновская...

– А ты крутая, Ковач! – непритворно восхитился Ермаков, и ей было лестно.

Они брели по серпантину, выдолбленному и утрамбованному бульдозерами, вниз, к каменистому берегу, где забытым кусочком лета валялся потрепанный пляжный зонт, где повисали на ветках и скорченных черных корягах клочья тумана.

Ника забыла, когда она гуляла так непринужденно, тараторя обо всем, что придет на ум.

– Я тебе уши насквозь прожужжала Японией этой, – сказала она. Рука лежала на локте Ермакова. Завершив круг, они выбирались из гигантской воронки. – Ты же журналист, так?

– Не так. Я программу веду на областном канале. Про паранормальные явления. И лучше тебе не знать, какой это бред. Водяные, эльфы, привидения, – он замолчал на миг, почесал шею. – Товарищ мой, он моих рыбок сейчас кормит... на НЛО помешан. Мечтает, чтобы его похитили марсиане. И этот еще самый вменяемый.

– Блин, интересно же!

– Бывает и интересно. Только существует опасность захождения шариков за ролики. Если долго вглядываться в бездну...

– А как ты в Варшавцево очутился? Тут эльфов вроде бы нет.

– Это еще вопрос. Но я не ради эльфов. Все куда поэтичнее. Я, будучи юношей бледным со взором горящим, вирши сочинял. И кое-кто мне это припомнил. В четверг в ДК поэтический фестиваль состоится, а меня пригласили быть председателем жюри.

«То есть ты холост», – мысленно заключила Ника. Женатый мужчина не попрется под Новый год в город Варшавцево слушать провинциальных поэтов.

– Я рада, что так вот совпало. А про сигареты признаешься? Очень любопытно.

Они вышли на Быкова. Окраина была, как и прежде, малолюдной. Хромал к магазину мужик в шапке Деда Мороза да столетняя бабка кормила у беседки котов.

– А давай так, – сказал Ермаков, – согласишься со мной поужинать, и я тебе все изложу. Но учти, ты решишь, что я тронулся.

– Интригуешь.

– Я транскрибирую это как «да».

– Да, но сегодня вечером я пообещала зайти к бабушке. А завтра в твоём распоряжении.

– Шикарно! И где у нас можно посидеть?

– Есть пиццерия в центре, – она загибала пальцы, – «Шоколадница» около вокзала. И суши-бар над супермаркетом.

– Суши-бар! – воскликнул Ермаков. – То, что доктор прописал.

– Ох, – страдальчески вздохнула Ника.

Они обменялись телефонными номерами.

– Андрей... – произнесла она, вперившись в бурый сугроб. – Чтобы между нами не было недопонимания. В Токио я танцевала стриптиз.

– Если ты не заметила, Ковач, – сказал он серьезно, – мне уже не четырнадцать лет. Я догадался.

– Никаких шуток про Деми Мур? – она заглянула в его глаза цвета разбавленного какао.

– Только про Диту фон Тиз, – пообещал он.

Придя домой, Ника не увидела в туалете никаких постеров.

7

Снаружи на карниз уселся голубь, и жесть задрезбужала. Хитров вздрогнул.

«А, гадство!» – пробормотал он и вновь уставился в ноутбук.

На снимке пожилая женщина, задрав кофточку, демонстрировала голую спину, синяки и ссадины вдоль позвоночника.

«Гадство», – повторил Хитров.

Лариса подошла тихо, он не успел закрыть вкладку.

– Боже, – простонала она, – это...

«Жительницу Самары терроризирует полтергейст», – кричал заголовок над фотографией.

Хитров знал, о чем думает жена. О Юле, о ее нежной младенческой коже. О гадюках, что извивались в кровати, но испарились, растаяли, когда Лариса завизжала. Картина стояла перед глазами Хитрова, тошнотворно-отчетливая. Вот супруга хватает Юлу, вот краснеет личико дочери, напуганной не змеями, а родительской реакцией. Слезы текут по пухлым щекам, и ручка, только что стискивавшая змеиное тело, ловит воздух.

Потрясенная Лариса гладит Юлу, и Хитров спрашивает чужим надтреснутым голосом:

– Ты видела?

Она видела. Хитров не съехал с катушек. В наволочках, на простынях, на ковре копошились гадюки. Треугольные головы, раздвоенные языки. Исчезли, словно кучки пыли, сметенные порывом ветра.

– Кто разговаривал? – спрашивает Лариса.

– Наша дочь, – отвечает Хитров.

«Белая лилия черной зимы», – звучит в ушах эхом. Фраза, сказанная их семимесячной дочерью. И выворачивающее наизнанку тарахтение хвоста-погремушки.

Они сбежали. В ту же ночь собрали вещи и переехали к его родителям. Утром он заскочил домой за одеждой Ларисы, но в детскую заходить не стал. Он боялся обнаружить змеиное гнездо, сотни шевелящихся чешуйчатых тварей. В замке принцессы, на тарелках игрушечных барабанов, на плюшевой шее великана-жирфа.

Уж лучше бы это был бородатый старичок-домовой.

– Они могут причинить человеку такие увечья? – спросила Лариса с ужасом.

– Чушь это. – Хитров рассерженно захлопнул ноутбук. – Пьяный муж побил, а она спихнула на полтергейст.

От мысли, что кто-то способен обидеть Юлу, прикоснуться к ней холодной мерзкой шкуркой, желудок наполнялся льдом и челюсти сводило.

– Я испытал облегчение, – признался вдруг Хитров, – когда ты их тоже увидела. Облегчение оттого, что не безумен, и... я словно разделил это с тобой на двоих.

– Мы все делим на двоих, Толя, – сказала она, прижимаясь к нему.

Он поблагодарил Создателя за такую жену.

Миновало два дня с того проклятого вечера, и Хитров, внимательно наблюдавший за Юлой, пришел к выводу: чем бы ни была змеиная чертовщина, она осталась в стенах квартиры. Не просочилась, хвала небесам, в коляску Юлы, не покинула дом вместе с ними.

Худший вариант явился ему в ночном кошмаре: Юла одержима, как Риган в «Изгоняющем дьявола». Проворачивает голову на триста шестьдесят градусов, хрустит позвонками. Блюет зеленой дрянью и парит над кроватью... Ватикан посылает в Варшавцево экзорцистов, и те проговаривают нараспев псалмы из «Криминального чтива».

Но дочь вела себя ровно так же, как до происшествия. С аппетитом ела, лепетала, ловила собственные ступни. И баба с дедом не отходили от внучки, и сейчас утащили ее в парк ловить солнечные дни перед похолоданием.

– Это я виновата, – понуро сказала Лариса, – я угостила домового хлебом и молоком.

– Глупости, – он гладил ее по волосам, – домовый тут ни при чем.

– Но что тогда?

Лариса не выдержала, рассказала обо всем его маме. Деятельная мама нашла телефон священника. Занятой батюшка обещал извести бесов после Нового года. Мама утверждала, что дети столкнулись именно с бесом. Православие, суеверия и фьюжн восточных религий уживались в маме на равных. Она ездила в церковь, постилась, причащалась, по фэншую расставляла мебель, избегала черных кошек и развешивала похожие на макраме мандалы. Хитров не был атеистом, но почему-то сильно сомневался, что поповское вмешательство поможет.

Освятить жилье он, укрепя сердце и прошерстив кошелек, согласился. Но наотрез отказался вести Юлу к знахарю.

– Ну и зря, – сказала мама, – мы тебя так от дурных снов вылечили.

«Что-то не долечили», – подумал раздраженно Хитров.

– Напиши своему Ермакову, – предложила Лариса внезапно.

– Что? – заморгал он. – А он тут при чем?

– Он же про привидения передачу снимает. Должен разбираться. Совет даст.

Хитров невольно улыбнулся. Он вспомнил, как в фильмах ужасов, которые они с Ермаком брали в видеопрокате, герои обращались к умудренному латынью специалисту. Старательно записывали спасительный рецепт: осиновый кол, чеснок, солнечный свет... Серебряные пули для оборотней.

– Не буду я ему писать, – сказал Хитров. – Он в прошлом году приезжал, ко мне на пять минут не заскочил.

– Какой обидчивый, – парировала Лариса. – А ты когда в город едешь, к нему заскакиваешь?

– В любом случае, – настаивал Хитров, – при чем здесь привидения? В квартире никто никогда не умирал.

– Какой ты вредный.

Он поцеловал ее в губы.

– Ладно, Лар. Мне на работу пора. Позвони маме, чтобы Юлу не морозили долго.

Провожая супруга, Лариса сказала:

– Это наша квартира.

На лице проступило несвойственное ей выражение, злая решительность.

– Они... оно не имеет права вторгаться к нам. В моей жизни есть только одна барабашка, и это ты.

– Аминь, – усмехнулся он.

Загрузившись в машину, он набрал номер Платона.

– Заезжай, конечно, – отозвался вокалист «Церемонии». – Академика Павлова, шесть, шестнадцатая квартира. Паханы как раз срубились.

В Варшавцево будто вернулась весна. Притворная, ложная, выманивающая из норок жучков, чтобы завтра ошпарить холодом. Укатать гололедом проклюнувшийся из-под снега асфальт.

«Черная зима», – подумал Хитров.

Это словосочетание произнесла, напугав до одури, Юла. Или то, что использовало Юлу, мышечные и соединительные ткани голосовых связок. Оно же было выведено прописными буквами на листочке, который Хитров нашел вчера в кармане куртки. Листочек попал туда за

полчаса до бесовщины со змеями и говорящим младенцем. Стихотворение Платона. И в нем, помимо черной зимы, было имя «Лилечка».

Лилечка. Лиля. Лилия.

Необходимо было убедиться, что это совпадение.

Улица Павлова смахивала на лабиринт из гранитных брустеров. Дабы как-то сгладить ландшафт, проектировщики напичкали дворы низкими крапчатыми заборчиками. Лесенки на пять – десять ступенек и пологие русла балок. Утрамбованный снежок на дне и свалывшаяся блеклая травка.

На парапете, подле «Тоньки шалавы» и криволапой свастики, неожиданное: «Иисус хочет быть твоим другом».

– Тра-та-та-та! – вопит Ермак, выпрыгивая из балки. На стволе пластмассового УЗИ мигает лампочка.

Толя роняет револьвер, театрально закатив зрачки, оседает в заросли пырея.

Сестра Сани Ковача семенит к раненному, задирает рукав и реанимирует уколom невидимого шприца. Малолетку Нику не больно-то хотелось брать в игру, но она лазила за ними прилипалой, и Ермак оповестил о вакансии на роль медсестры.

Толя оживает и, отстреливаясь, устремляется за парапет.

Хитров проводил взглядом убегающих по оврагу детей.

– Суп будешь? – с порога спросил Платон. На нем были штаны-хаки и футболка Star Wars. Очки придавали щуплому пареньку солидности. На репетиции он их не надевал.

– Завтракал.

Из дебрей захламленной квартиры звучала тревожная скрипка.

– Да я на минуту.

– Айда.

Комната напоминала взорвавшийся секонд-хэнд. На полу перед огромным монитором находился мальчик лет десяти. Он прикусил язык и впился в джойстик. Музыка не предвещала ничего хорошего, как и картинка: убранство склепа, по которому передвигался персонаж шутера, капающая со сводов вода, гробы в гротах.

Хитров подумал почему-то о пианино, пылящемся в нише у женского туалета, о полутемном коридоре с единственной лампочкой.

– Это брательник мой, – сказал Платон, – Илья, поздоровайся с дядей Толей.

– Драсьте, – не отрываясь от экрана, буркнул мальчик.

Хитров сел на кушетку, едва не расплющив задом пакет чипсов.

Закаркали вороны – откуда они в подземелье? Графика впечатляла. Не то, что игры его юности. Прорисована каждая паутинка, каждый комочек мха.

– Мы под часовню проникли, – пояснил Платон.

Персонаж крался по внушающему ужас крипту, Илья подергивал головой от напряжения.

– Я твой текст прочитал.

– И как тебе?

– Нужно с инструментами попробовать. Но, по-моему, сильная вещь. Балладная.

– О, – щеки Платона зарделись.

– А про что он? – невзначай поинтересовался Хитров.

– Ну... про пропавшую без вести девочку.

– Имя выдумал?

– Не совсем.

Из-за угла вылетела стая летучих мышей, пронеслась, задев смельчака перепончатыми крыльями. Илья выругался как сапожник.

– Ты на мой паблик не подписан? – спросил Платон.

– Извини. Я в социальных сетях не часто бываю.

– Ага. У меня паблик свой. Типа краеведческий, про наш колхоз. Сто подписчиков, ничего такого, – он уязвленно вздохнул. – Пост набирает десять лайков, а я там целые рефераты строчу. Про Варшавцева вот, который город основал. Тот еще штрих был. Криминал тоже просматриваю. Архивы. И, короче, нарыл статью. Ну как статью – заметку. В том-то и дело, что одну-единственную. Девочка пропала без вести зимой двухтысячного. Рядовой случай. Может, сбежала, может, в шурф провалилась. Ну, меня зацепило, что человек исчезает, а его ищут так, для проформы. Объявление дали, по окраинам на «бобике» проехали. Считай, вовсе не ищут. И всё, висяк. С глаз долой, живем дальше.

– Так, может, нашли?

– Я тебя умоляю.

– Лиля, значит.

– Лиля. Я пост накатал, а потом стихи эти в голове возникли. «Лилию никто не ищет»...

«Никакой связи, – подумал Хитров. – Дурацкое совпадение».

– А почему зима черная? – спросил он, вставая.

– Фиг его знает. Чтобы в ритм.

– Дерьмо! – выкрикнул Илья. Из нефа выкарабкался упырь-альбинос. Рванул к персонажу, выбил пистолет и присосался миножьей пастью. Кровь обагрила монитор.

– Теперь весь уровень перепроходить, – обреченно произнес мальчик.

8

Скажи ему кто весной, что под Новый год он будет курить, жать руку Солидолу и гулять с Никой Ковач по варшавцевским карьерам, покрутил бы пальцем у виска. Не говоря уже о призраках. За один день случилось слишком много всего... всего странного и необычного. Он ощущал себя посетителем луна-парка. Занимайте место в вагончике, пристегивайтесь, наслаждайтесь зрелищем.

И к привидению он отнесся как к своего рода аттракциону. Он никогда не отрицал существование потустороннего, просто считал, что выходцы с того света появляются на публике не так часто, как хотелось бы редакторам «Мистических историй».

«Ты же желал отвлечься от Маши, – сказала судьба. – Вуаля!»

Он не бился головой о стены, не бежал звонить на ТВ. О'кей, в бабушкиной квартире водятся привидения. И, вероятно, с этим придется разбираться.

Воображение нарисовало квартет киношных охотников, шмаляющих по эктоплазме из пушек.

«А что, если это все правда? – спросил себя Андрей. – Не только призраки, но и мутанты, колдуны, зубные феи, Ури Гелер и антарктическая станция нацистов. Что если графский мусорник населен духами, похмельный егерь действительно сталкивался в Подмоскowie с биг-футом, а воздушные фонари Амроскина – корабли внеземной цивилизации?»

Шагая по тающему снегу, он думал о привидениях... и Нике.

Господу Богу было мало сумятицы, творящейся в мозгах Андрея, он подбросил Нику. Луна-парк впечатлял все сильнее.

Андрей вспомнил полные губы девушки, непослушную копну каштановых волос, молочную кожу и зеленые глаза. Эффектная, величавая, статная, абсолютная противоположность маленькой хрупкой Маши. Их прогулка бредила душу и мысли, энергетика, которую излучала Ковач, обволакивала. Из неловкой девчонки-мартышки выросла настоящая красавица. Такая способна затмить даже увиденное полчаса назад привидение. Поразительно, но про Нику он размышлял больше, чем про щелкающее нечто-из-тумбочки.

Он не был ханжой. Прошлая работа Ковач его не смущала. Кто-то танцует для японских мужчин, кто-то одурачивает зрителя маразматическими передачами. Непонятно еще, что вреднее и ззорнее.

Любопытно, помнит ли она, что они целовались? Его первый поцелуй. Яркие полудетские переживания. Они спрятались за гаражами, и Ковач зажмурилась, выставила бантиком губы. Он ткнулся в них своим пересохшим от волнения ртом. Быстро чмокнул.

Ника потрогала языком губку, словно пробовала на вкус поцелуй, велела:

– Давай еще раз, – и сама потянулась к нему.

Может быть, он воображал финальный поцелуй из фильма «Разрушитель».

За торговым центром возвышался массивный деревянный крест. Отмечал территорию, отведенную под постройку церкви. Пятнадцатый год паству кормили облатками пустых обещаний, а пока под крест богохульно ходили бродячие псы. Грустил у школы медный Варшавцев. Лысину геологоразведчика замарал птичий помет.

Как-то Ника стащила у брата два журнала «Плейбой». Сказала, что рассматривать их надо в темноте, при свете фонарика:

– Это называется «мастурбировать», – пояснила она.

Мудреный термин понравился Андрею. Они забрались в платяной шкаф и листали журналы, обмениваясь впечатлениями.

– Когда я вырасту, у меня будет маленькая грудь, – сказала Ника, – а не такие арбузы.

У моделей были круглые, как футбольные мячи, титки и черные дорожки между ног. Дети сидели в джунглях из одежды и перешептывались. Гардероб пах отбеливателем, спреем «Антимоль», волосами Ники.

Андрей поднялся по ступенькам и вошел в школьный вестибюль. Глаза узнавали елочку паркета, лестничные перила, мемориальную табличку в память об ученике, погибшем во вторую Чеченскую кампанию. Дверь библиотеки – раньше там заправляла строгая и величественная Мадина Тимуровна Умбетова.

«Существуют закладки, молодой человек! Только негодяи сгибают уголки страниц. Вы негодяй?»

Умбетова привила ему уважение к книге, граничащее со священным трепетом.

– Вы к кому? – спросила пожилая дежурная, водружая на нос очки.

– К Артуру Олеговичу.

– Ой, мать Божья, – ахнула женщина. – Вы же телеведущий!

– Немного, – признался он и одарил старушку фирменной улыбкой.

– Нет Артура Олеговича, голубчик. Каникулы зимние начались.

– Жаль, извините, – он повернулся к выходу, но услышал свое имя.

– Я в окно тебя увидела, думаю: мерещится!

Нина Аркадьевна Алпеталина, его классный руководитель, сильно постарела за прошедшие годы. Не лицо, а восковая маска. Обнимая учительницу, он почувствовал запах мела и лекарств.

– Как оно в городе живется?

– По-разному, Нина Аркадьевна. Боремся.

– Женился?

– Да нет. Приглядываюсь.

– Правильно, приглядывайся повнимательнее. Но и не затягивай. Ребятишек пора заводить. Какой красавец вымахал, а, тетя Клава?

Дежурная умильно закивала.

В кабинете с портретом Менделеева (боже, какие маленькие парты!) они пили чай и говорили об учебном процессе, современных школьниках и здоровье.

– Болею, – призналась Алпеталина, – хватку растеряла, дети не слушаются уже. Не справляюсь, смеются они надо мной. Понимаю, что на пенсию пора, а чем себя занять на пенсии? С бабками на лавке сесть? Да и пенсии той копейки, не проживешь... Вот и ишачу. Бумаги на каникулах перебираю. И так стресс постоянный. А тут еще ЧП...

– Какое ЧП, Нина Аркадьевна?

– Девочка пропала. Как сквозь землю провалилась.

Она сделала паузу, возможно, подумала о рыжей Варшавцевской земле, сквозь которую, случалось, проваливались в прямом смысле слова. Грунт зиял пустотами, шахта издыривила степь, оставила миллионы кубометров нор.

– Снежаночка Скрицкая, одиннадцатый «б». Проблемная девочка, с характером. Ушла в четверг после уроков, и след простыл. Родители ее только вчера забеспокоились. Она и раньше пропадала, но на день-другой. К мальчику в соседний город ездила. А тут четвертый день вестей нет. И мальчик, оказывается, с ней расстался и знать ничего не знает. В общем, Новый год на носу, а у нас такое!

– Найдется, – заверил Андрей. – Разошлась с парнем, психанула. Праздновать уехала в область. По сотовому же вычислить можно.

– Да сотовый она в классе оставила. Но в Интернет иногда выходит, так что, надеемся, образумится, смилостивится над родителями.

– Так и будет! – он посмотрел на часы и спросил: – А номер телефона Мельченко вы не подскажете?

– Подскажу, конечно, – учительница вынула орехокол «нокиа». – Ты в ДК сходи, он там. К фестивалю готовится.

– Спасибо вам, – они снова обнялись.

– Вчера еще колы тебе ставила, Ермаков. А ты вон, знаменитость. На черта, спрашивается, нужна была тебе химия моя?

Он поклялся, что без химии ничего бы в жизни не достиг, и она притворилась, что поверила ему.

На площади разлилось озеро, редкие автомобили барахтались в лужах, и Ленин торчал, как дед Мазай на плоту-постаменте. В воде отражался серый, раскрепованный пилястрами фасад Дома культуры.

Сторож Чупакабра, судя по амбре, уже похмелился. Ветеран ликеро-водочных баталий телевизором пренебрегал и не идентифицировал визитера.

– Поэтический фестиваль? На второй этаж идите, там он будет, в актовом зале.

Андрей поднялся по широкой лестнице, прошел мимо колонн с пышными наверху капителей. Под потолком висели громадными виноградными гроздьями люстры. Хрусталики потускнели от пыли. Интерьер ДК был громоздким и провинциально-напыщенным.

В небольшом коридорчике слева сидели двое мрачных мужиков. Как страдалыцы, ждущие очереди к дантисту. Андрей вспомнил, что кабинет за зеленой дверью принадлежит народному целителю. Варшавцевские женщины лаской, увещеваниями и шантажом посылали к нему на прием своих пропащих мужей. Лекарь кодировал от спиртного и табака. Судя по вечернему ажиотажу в «Тереме», не очень надолго.

– Ах, боже мой! – вскричал Мельченко, он же член Союза писателей А. Камертон. И пружинисто пошел к Андрею через зал, заходя выпростав для рукопожатия длинную аристократичную кисть. – Мой юный друг! Ах, мой юный друг!

Он затряс руку Андрея, ахая и охая на все лады.

Мельченко был высоким, мосластым и тощим, как швабра. Художник Эль Греко почел бы за честь написать такое вытянутое лицо. Приплюснутый с боков череп венчали густые вихры. И после пятидесяти он не изменил привычке носить клетчатые штаны, клетчатые рубашки и клетчатые пиджаки. Из нагрудного кармана свисал клюв клетчатого платка.

– Андрюша, как я счастлив, Андрюша! Вы не представляете, какая это удача!

– Вы здорово выглядите! – улыбался Андрей.

Наставник комично замахал руками.

– Лъстишь старику! Годы берут свое! От них никуда не деться! Но как говорил Семен Кирсанов... – А. Камертон задрал подбородок и продекламировал: – В мире! Молодом, как Маяковский! Седина вполне хороший цвет... Ну же, продолжайте, Андрюша! Вы помните, это нельзя забыть! Я не буду жить по-стариковски! Даже в девяносто девять...

– Лет, – закончил Андрей, как троечник, повторяющий за учителем слова.

– Так точно, мой юный друг! Не жить нам по-стариковски. – Он отодвинулся, любуясь воспитанником: – Ах, Андрюша! Ах, любимец муз! Пишете? – он прищурился, будто выискивал признаки поэтического труда. – Ну, скажите мне, что пишете, прошу!

Андрею не хватило совести разочаровать учителя.

– Иногда... балуюсь.

– Знаю я ваше баловство! Гений, гений! А эти ваши футуристические опыты? О Андрюша!

Андрею стоило усилий не рассмеяться.

– Ну, идемте же! – воскликнул Мельченко. Он сам был суетливым восклицательным знаком. – Покажу вам стенд. Ваш покорный слуга на старости лет решил организовать фестиваль! Рифмы, рифмы, рифмы! Уже записалось тридцать два участника. Представляете? Тридцать два человека творят в Варшавцево! В этом крае шахт и рудных отвалов!

«Намечается крайне веселый четверг», – подумал Андрей саркастично. И едва не застонал, узрев на стенде свою фотографию и пожелтевший газетный номер.

– Помните? Подборка ваших стихов в «Рудничке». Лохматый две тысячи третий год! Давай поплачем! Сердце жмет тоска! Сплетаясь в узел грустного сюжета... Где персонажи: скука, парк, ДК... и мы с тобой... и эти два куплета!

«Боже, какая паршивая дичь», – мысленно содрогнулся Андрей. Стихов – своих стихов – он не узнал.

Из вежливости снял со стенда тощенький томик. Поэтический сборник «Тебе, природа, эти строки». На задней стороне обложки красовался Мельченко образца середины девяностых. Еще худее и вихрастее.

– Моя гордость! Вышла три года назад. Не стал вам отсылать по почте, хотел собственноручно вручить, с автографом!

Он порылся в карманах, и Андрея не удивили бы перо и чернильница. Но учитель достал обычную авторучку. Написал размашисто на титульном листе:

«Прекрасному поэту Ермакову от просто поэта А. Камертона. 26.12.16».

– Кроме нас с вами, в жюри будут чудесный поэт Феликс Коппер и наш уважаемый художественный руководитель Елена Сова! – он говорил так, словно поэт Коппер и худрук Сова в данную секунду выходили на сцену под дробь барабанов. – Между прочим, фестиваль закроет выступление группы «Церемония». Ваш друг Хитров играет в ней на ударных. Вы не встретили его внизу?

– Нет... Он в ДК?

– Где ему еще быть!

«Как много призраков в этом городе», – подумал Андрей.

– Спешите, мой юный друг! – позволил Мельченко. – Бегите, молодость любит бег!

Они обменялись комплиментами.

– До четверга, Артур Олегович.

«Может, я сам умер, – предположил Андрей по дороге к Хитрову, – скончался от тоски, а Варшавцево – это такой загробный мир?»

9

Пропавшую шестнадцать лет назад девушку звали Лиля Дереш. И было ей шестнадцать лет. На единственной зернистой фотографии – непримечательное худощавое лицо, светлые прямые волосы, пробор посредине. Тонкая линия губ, глаза утоплены в тени. Плохой снимок. Плохой город. Собачья жизнь.

Ушла перед Новым годом. Белый свитер, коричневая курточка. Телефон милиции 02.

Хитров потерял серебряную серьгу в ухе. Напоминалка о юности, о посиделках на улице Быкова. Еще раз оглядел фото, но никакие потаенные струны не звякнули в душе. Имя, приметы... ничего особенного. Никакой связи с ним, четырнадцатилетним, с его квартирой, со змеями, которых он до потери сознания боялся в детстве.

Просто девочка. Просто стихотворение Платона. Он рыл не туда. И начинало казаться, что мамина идея вызвать церковную гвардию довольно здрава.

Хитров отодвинулся от старого лобастого монитора. В дверь постучали.

Он встал, лавируя между микшеров и колонок.

– Войдите.

На пороге появился Андрей Ермаков.

– Ага, – сказал Хитров после длинной паузы.

– Ага, – подтвердил Ермаков.

– Ну и как я пойму, что это действительно ты, а не один из клонов?

– Испытай меня. Могу спеть пару песен «Церемонии».

– Нет, – мрачно сказал Хитров, – песни «Церемонии» слишком известны и входят в обучающие инструкции инопланетных захватчиков. Ты помнишь, как называлась ленинская забегаловка до того, как стала «Теремом»?

– Вареничная «Карина», – без запинки выдал Ермаков.

– Верно, – хмыкнул Хитров. – А какого цвета был игровой автомат в вареничной «Карина»?

– У него не было цвета. Он был выше этого дерьма.

– И снова в точку. Что ж, ответь мне, что случилось, если игрок проигрывал?

– Автомат говорил фразу из «Операции Ы»: «Учись, студент». А если выигрывал, говорил голосом Шарикова: «Еще парочку».

– Ты не клон.

Они прикусили улыбки и обменялись рукопожатиями. Сдержанно, с непробиваемо серьезными гримасами.

– Ты постарел, – сказал Ермаков.

– А ты подрыхлел.

– Просто заматерел.

– Задедушкарел.

Со стороны их диалог показался бы встречей пациентов двух дружественных психиатрических клиник.

– Какого лешего ты сюда приперся? – спросил Хитров, когда иссяк запас колкостей.

– Ты завидуешь, что меня позвали в жюри, а тебя нет.

– Поэзия для кисейных барышень. Мой юный друг! – Хитров пародировал Мельченко-Камертона. – Гений! Первая полоса в «Рудничке» твоя!

Ермаков рассмеялся.

– Дружище! Твою мать, дружище, столько лет!

– Ну, кто-то мог бы притащить ко мне свою жопу гораздо раньше.

– Виновен по всем статьям. Но, Толька! Дом, работа...

– Работа? Это твоя передача про лепреконов – работа?

Ермаков окинул взглядом тесный, но вполне уютный кабинет звукорежиссера.

– Не похоже, чтобы *ты* вкалывал на шахте.

– Что есть, то есть. А серьезно, зачем ты согласился сидеть в жюри? Скукотища же смертная.

Ермаков вздохнул.

– Я, Толька, с девушкой разошелся.

«С Машей?» – едва не ляпнул Хитров. Одернул себя, не хватало еще, чтобы друг узнал, что он мониторил его страничку в социальных сетях. Заходит, так почему же не написал?

– Гадко все вышло, – продолжал Ермаков, – ну его. Надо было мне развеяться. Маму повидать... тебя. Ты же отцом стал! Фотка дочурки есть?

Хитров закрыл вкладку с потерявшейся Лилей Дереш. Заставкой на рабочем столе был фотопортрет улыбающейся беззубой Юлы.

– Ух, красotka! Твои глаза, Толька. И лоб твой. Точишь уже кол, чтобы женихов отваживать?

«Мне бы змей из ее спальни выгнать», – подумал Хитров.

Они обсудили малышку и семейную жизнь.

– Оболванился, – Ермаков кивнул на подстриженные ежиком волосы приятеля. По шажку подходили они друг к другу, присматривались, обвыкались.

– А ты-то. Видок как у комментатора новостей.

– Маскируюсь. Не поверишь, с кем я гулял сегодня утром по нашему топляку.

– С Чупакаброй?

– Не совсем. С Никой Ковач.

– Ого, – поразился Хитров, – и как она?

– Та! – Ермаков округлил рот и изобразил женскую грудь третьего размера. – Помнишь наши игры? Она всегда медсестрой была. Я тебе скажу, медсестричка выросла ого-го. Угадай, у кого завтра свидание?

– В малолетку втюрился, Ермак?

– А пусть бы и втюрился. У меня восемь лет одна женщина была. Эх... пора возвращаться в строй.

– Ты в своем стиле, – покачал головой Хитров. Его, гораздо более скромного и некоммуникабельного, удивляла та легкость, с какой приятель заводил отношения. Девушки к нему так и липли. – Помнишь: Люда, Лида...

– И моя несбывшаяся фантазия Люба! Но Ковач, без шуток, хороша. Неглупая, привлекательная, честная.

– Неплохо ты успел ее узнать за утро.

– Пока так. И главное. У меня же теперь новый друг – Володя Солидол.

– Володя? – вытаращился Хитров.

– Владимир Батькович. Ко мне вчера возле «Омена» его дружок пристал. Э-э-э, сигарету дай. Э-э-э, петарды есть?

Хитров от души расхохотался.

– Чтобы сразу, с вокзала, погрузить тебя в варшавцевскую атмосферу.

– Угу. А Солидол подгрел и вполне так воспитанно общался. Выпить с ними в беседку звал.

– Чего ж отказался?

– Так я без костюма был, некрасиво.

– Солидол после тюрьмы остепенился, – сказал Хитров, – и пьет в меру, и, кажется, не ворует. Сожительницу нашел...

Он осекся и вскинул брови: друг, заговорщически пригнувшись, издавал ртом квакающие звуки:

– Воу, воу, воу.

Хитров улыбнулся. И начал хлопать по крышке динамика.

– Жизнь сурова, как мальчик Вова, – полупшепотом запел Ермаков. – Жить не клево...

– Помирать клево! – с азартом подвыл Хитров, выстукивая ритм.

– Местные бизоны побывали на зоне, нормальными людьми возвратились бизоны. И! – дал он команду, махнул невидимой гитарой, переключил невидимую примочку: – Воу-воу-воу...

– Та-та-та-та!

– Вову исправила зона, там...

– Вова обрел Христа! – загорланили они хором.

– Длинные волосы бога смущают Вову, а так...

– Ничто не смущает Вову!

В приоткрытую дверь сунулась озадаченная физиономия сторожа Чупакабры. Убралась, и друзья приснули от смеха.

– Шутки в сторону, – сказал Ермаков. В глазах плясали веселые чертики. – Где деньги, Лебовски?

– Какие деньги?

– Которые вы заколачиваете с «Церемонией». Где откат? Где оплата авторских прав за придуманное мною название?

– Подавишься, Ермак. Ты ушел из шоу-бизнеса. Капуста наша. Снимай себе лепреконов.

– Жлоб ты, Толя. Песню о Вове я вам петь запрещаю.

– Песню о Вове? Чтобы Мельченко инфаркт схватил, а директриса меня уволила?

– И давно вы играете?

– Полгода. Печаль меня заела, ностальгия. Дай, думаю, попробую, а вдруг... Нашел трех студентов. Лариса, жена моя, говорит, я с детским садом возжусь. Вокалист у нас славный.

– Да ну, – ревниво насупился Ермаков.

– В четверг послушаешь. У нас дебют будет. А потом автограф-сессия. Если повезет, получишь наши автографы.

– Саботирую, выкрикивая: «жалкая пародия» и «Хитров продался».

Снова скрипнула дверь, и женщина с веселеньким начесом попросила Хитрова подняться в актовый зал.

– А давай я к тебе вечером в гости зайду? – предложил Ермаков. – Посидим, – он щелкнул пальцем по шее, – в неформальной обстановке. Супруге меня представишь. На дочурку охота живую посмотреть.

– Понимаешь... – помедлил Хитров.

– Нет, я не напрашиваюсь, – заверил Ермаков. – Все прекрасно понимаю...

– Не в этом дело. Мы сейчас у моих родителей живем. У нас в квартире...

(змеи, гнездо извивающихся копошащихся змей)

...ремонт. Да вот затеяли под праздники... Ты-то где живешь?

– На Быкова.

– Кассеты не выбросил?

– Обижаешь. – Он сбился, что-то обдумывая. – Все в тумбочке.

– Тогда у тебя в девять?

Словно и не было этих лет, Ларисы не было и Юлы...

– Жду!

Друг ушел, а отрешенный Хитров побрел на второй этаж. Возле бокового, ведущего к женскому туалету коридора стоял Чупакабра. Он вглядывался в темноту: там протекал кран

и вода цокала о рукомойник. Сторож встрепнулся, заслышав шаги, и быстро, потупившись, зачепал вниз по лестнице. Остался запах спирта как ментальный след.

Пятиклашка в платье снежинки шагала по вестибюлю. Из актового зала доносилось аханье Мельченко.

Хитров посмотрел в коридор. Тьма клубилась, подобно дыму, чуть раздуваемому одинокой лампочкой. На стене напротив ниши отчетливо виднелась тень. Она скользила по побелке, подрагивала черным костром. Тень кого-то сгорбившегося, спрятавшегося за пианино.

Снежинка, поздоровавшись, свернула в коридор. Он застыл и смотрел напряженно, как она идет, все ближе и ближе к туалету, к музыкальной рухляди. И тень напряглась, руки отделились от туловища, скрючились пальцы... Нет, фантазия дорисовывала подробности, он не мог бы различить таких деталей.

Снежинка поравнялась с нишей.

Он открыл рот, чтобы предупредить, занес ногу, готовый ринуться в коридор...

Тень вылетела из-за пианино наперерез снежинке.

– У-у-у-у-у! – прогудела тень.

– А я и не испугалась, – сказала снежинка флегматично.

Прятавшаяся в нише снежинка номер два взяла ее под локоть, и девочки юркнули в туалет.

Хитров облизал пересохшие губы.

– Идиот! – в сердцах пробормотал он.

10

Андрею Ермакову было двенадцать лет, и у него болели ноги. Тупая боль проникала в икры, колени, бедра, заставляла выгибаться и сучить пятками. Волокна мышц становились веревками, которые наматывал на кулак беспощадный палач. Андрей хныкал во сне, метался по кровати, комкая простыни, а испуганная мама дежурила у постели.

– Тише, тише, сыночек, – шептала она и протирала вспотевший лоб мальчика, смачивала пересохшие губы.

Днем все проходило. Точно не было ночной ломоты. Ночных пыток. Но он не обманывался. Боль ошивалась рядом, ждала сумерек. Терпеливо полировала дыбу. Боль издавала звук: в бреду, в тревожном полусне, он слышал щелканье. Тарахтение, с каким пересыпаются детские кубики. Боль хватала за голени, и у нее были руки, изящные, как ручки фарфоровой пас-тушки на бабушкиной полке.

– А сейчас, молодой человек, вы не ощущаете никакого дискомфорта?

Андрей мотнул головой. Он смотрел в окно, на густые кроны каштанов и синеватые пики елей. Лето было в самом разгаре, над кладбищем парили птицы, а врачебный кабинет пах йодом и бинтами.

Андрей сидел на кушетке, закатав штанины. Рядом бледная и невыспавшаяся мама нервно шелестела пакетом, и это раздражало.

Усатый доктор что-то чиркнул в тетрадке.

– Вы не ударились? Ушибы, травмы, переломы? Ортопедические проблемы?

– Вроде нет, – сказала мама.

– Нет, – подтвердил он.

– Позвоночник не ноет? Сердце? Горло?

– Горло? – переспросила мама.

– Боли в ногах могут быть симптомами ангины или гриппа. Как насчет отеков? Хронической усталости? На аппетит не жалуетесь?

«Нет, нет, нет», – говорили они с мамой.

Андрей таращился в окно и представлял, что участливый доктор жмет под столом секретную кнопку. Врываются санитары, шурша химзащитой, кладут пациента на каталку. Кожанные ремни сковывают конечности, доктор уверяет рыдающую маму, что все нормально, она еще молодая и родит нового, не дефективного сына. Его увозят, на лифте спускают в подвал и ниже, в замшелые катакомбы. Мелькают металлические двери, в зарешеченных оконцах кривляются поросшие паутиной и бородами детишки.

Он представляет также туннель, связующий подвал с кладбищем. И сталактиты, и летучих мышей, и днища гробов в потолке.

– За последний год мальчик сильно вырос, не так ли?

Так, он уже на голову выше Хитрова. В школе его называют дылдай.

– Что же, мама, – подытожил доктор, убирая руку из-под стола, – я не вижу поводов для серьезного беспокойства. Причины недомоганий обусловлены естественными физиологическими факторами.

– Да? – в голосе мамы забрезжила надежда.

– Дети растут скачкообразно. Первый скачок происходит в четыре-пять лет. Второй в девять-десять. У молодого человека третий скачок, он совпадает с периодом полового созревания. Тело преобразовывается, вытягиваются кости, а мышцы не успевают за костной системой. Приступы вызывает воздействие на нервные окончания.

Ермаков подумал о собственном скелете, о каркасе из кальция, который ворочается внутри, желая прорвать мясную оболочку, распахнуться ребрами, ключицами, выползти на солнышко коленными чашечками и змеей хребта. Долой диктат плоти! Свободу скелетам!

– И что же нам делать? – спросила мама.

– Ждать. Механизмы возникновения болей роста доподлинно не изучены. Я бы рекомендовал грелки и теплые ванны. Они расслабят мышцы ног. Согревающие мази, эфирные масла. Важен сон. Во время сна синтезируется соматостатин, гормон роста. И избегать стрессов. Они негативно сказываются на функционировании гипофиза, который производит соматостатин. Полноценное питание... знаю, сегодня с этим тяжело... но ребенку нужны витамины. Злаки, печень, рыба, овощи и фрукты, молочные и кисломолочные продукты. Постоянный приток белка, магния, кальция, фосфора.

– Ему можно гулять? – спросила мама, и у Андрея екнуло сердце.

Но доктор произнес:

– Необходимо! Прогулки, подвижные игры и позитивные эмоции. А если боли будут слишком сильные...

«Они будут, – подумал Андрей. – Клац-клац-клац».

– ...Дайте ему обезболивающее. И помните: через боли роста проходит каждый второй ребенок.

У поликлиники порхали бабочки-капустницы. Развалились в кустах коты. На пандусе сидел Толя Хитров. Сковыривал ранку с колена и пробовал на зуб засохшую кровь. Корка была невкусной: он морщился.

– Здравствуй, тетя Рая.

– Здравствуй, Толя.

– Ну, я пойду? – попросился Андрей.

– Хорошо. Но далеко не заходите.

Мама пошла на работу, а друзья стукнулись костяшками кулаков. Андрей вообразил себя мафиози, вышедшим из тюрьмы.

– Ну чего, окочуришься?

– Хрен тебе.

– Я бы на поминках пирожки лопал.

– С горохом.

– Фу.

Они, не сговариваясь, двинулись вдоль кладбищенской ограды. Буйная зелень тыкалась изнутри в железные прутья. Ворковали голуби на ветвях. Хитров передал товарищу ламинированный кругляш. На нем была отпечатана фотография: девушка в белом бикини.

– Классная, – сказал Андрей и лизнул фишку. Влага, соприкоснувшись с картоном, растворила купальник. Проявились шоколадного цвета соски красотки. Он полюбовался ими и обтер фишку о предплечье. Бикини вернулось на свое место.

– Дарю, – сказал Хитров.

Андрей положил кругляш в карман, отметив про себя, что надо перепрятать его дома от мамы. На дно коробки с фишками Mortal Combat. Он уже знал, что, если долго трогать писюн, становится приятно. И обдумывал, не связаны ли эти игры, эта, по выражению Хитрова, «дрессировка кобры», с болью в ногах. Но пришел к выводу: не связаны.

– Меня бесит мой скелет, – поведал он. – Конченный скелет, на хрена он нужен!

– А меня бесит, что надо постоянно глотать слюну, – сказал Хитров. – Изю дня в день, каждую минуту. Сглатываешь и сглатываешь. Литры слюны.

– Ага, – сказал Ермаков, – бесит.

Он сорвал травинку и пожевал сочный стебелек.

– Как считаешь, есть между поликлиникой и кладбищем туннель?

- Наверное, есть. Прямо под моргом.
- Нет у нас морга. Когда папа погиб, его везли в соседний город.
- Вот умрешь и проверишь.
- Я тебя на сто лет переживу.

Краем глаза Андрей заметил человека, идущего параллельно с ними по кладбищу. Под ложечкой засосало. Это был Вова Солидол, восемнадцатилетний бездельник, которого выперли из ПТУ. Первый исключенный студент за всю историю училища.

Андрей сместился к другому краю тропинки и ненавязчиво подтолкнул приятеля.

– Погнали на карьер, искупнемся.

– Погнали!

Свист хлестнул по спинам плетью.

«Не оборачивайся», – приказал себе Андрей.

– Эй, щеглы!

Мальчики замедлили шаг. Подмывало кинуться наутек, но в крошечном Варшавцево некуда было убежать. Не сегодня-завтра все равно найдут.

– Чего? – спросил Андрей, озираясь.

У Солидола были острые хищные черты лица, облупившийся нос и выбритый череп.

– Я че, тебе орать буду? – сказал он. – Сюда приди, и объясню.

Настроение улетучилось. Облака затянули солнце, тень легла на тропинку. Основание шеи покалывали ледяные иголки, и ненавистные ноги дрожали.

Мальчики переглянулись.

«Встряли», – подумал Андрей.

«Придется идти», – подумал Хитров.

«Придется».

Солидол прервал их телепатический диалог:

– Еще минута, и я сам к вам перелезу.

Угроза подействовала. Они неохотно поплелись по лужку, протиснулись между прутьями. Солидол молча уходил в глубь кладбища, и они последовали за ним, обмениваясь многозначительными взорами. Бабочки бесцеремонно садились на кресты и кенотафы, мертвые взирали с овальных фотографий. Где-то здесь был похоронен отец Андрея. Пыльная аллея петляла между секторами. Прочь от прохожих и поликлиники.

Не к месту вспомнился слоган на видеокассете с офигенским фильмом «Чужой»: «В космосе никто не услышит твоих криков».

– Дзыряйте, кого я вам нашел, – сказал Солидол.

Он обращался к двоим парням, оседлавшим скамейку возле синего надгробия.

Андрей узнал их. Жилистого bruneta звали Женис Умбетов. Это его строгая мама работала в школьной библиотеке и сочиняла рифмованные правила для юных читателей. «Книгу не марай, не мни, книгу вовремя верни». В прошлом году она посоветовала Андрею прочитать Бориса Заходера, и мальчика привели в восторг и стихи, и иллюстрации. Сын чинной и педантичной библиотечарши вырос замкнутым неразговорчивым парнем. Может быть, мама вовремя не дала ему «Волчка» и «Мохнатую азбуку»?

Вторым был лопухий толстяк с рыжими усиками над губой. Журавель, тоже Вова. Оба учились в девятом классе.

– Привет, – пробормотал Андрей, чувствуя, как негативно сказываются на функционировании его гипофиза мрачные и придиричivé взгляды старшаков.

Особенно тревожил Женис, обмотавший шею грязной траурной лентой. Серебряные буквы на ленте гласили: «От скорбящих сестер». Женис харкнул и метнул перочинный ножик: лезвие воткнулось в могильную насыпь. Бесцеремонно по отношению к покоящейся в земле старушке.

- Гладиаторы, – сказал Журавель.
- Мы спешим вообще-то, – произнес Андрей, и фраза ужасно развеселила троицу.
- Мы списим восе-та, – перекивлял Солидол. – Ты не голубой случайно? Сосешь у телочки своей, а?
- Андрей промолчал.
- А ты че пялишься, баран? – полюбопытствовал Солидол. И резко гавкнул, отчего Хитров едва не завалился на холмик.
- Короче, – остановил Солидол хохот Журавля. – Поясняю на пальцах. Ты, длинный, теперь гладиатор. Будешь с ним драться, – он кивнул на Журавля.
- Толстяк ухмыльнулся.
- Андрей проклял свои ноги, притащившие его этим утром в поликлинику. Разговоры о морге и поминках не привели ни к чему хорошему. Накаркал Хитров. Исчезла нужда глотать слюну. Язык и десны казались кусками наждачной бумаги.
- Драться? – переспросил Андрей.
- «Рэмбо» видел? Так вот, до первой крови. Увижу кровь, отпущу. Побежите сосать друг другу. В позе шестьдесят девять, или как там у вас, у петушни.
- Да он же его больше в три раза, – воскликнул Хитров. – Это нечестно!
- Слыхал, Журавель, тебя жиртрестом называли.
- За хахалю своего мазу потянул, – хмыкнул Журавель.
- Тебя мы бить не будем, – утешил Солидол Хитрова, – мы девочек не бьем. Но ты права, – добавил он задумчиво, – нечестно. Женис!
- Я!
- Женис, не засышь жиртреста подменить?
- Умбетов притворно затрясся. Концы траурной ленты танцевали на его поджаром животе. Футболку Умбетов снял.
- Солидол пихнул одеревеневшего от ужаса Андрея к могиле.
- «Боже, помоги мне!» – взмолился мальчик.
- Нет, – сказал Солидол, осененный идеей, – и с Женисом нечестно, он же спортсмен. Эй, телочка!
- Побледневший Хитров устался в землю. Ходили ходуном желваки.
- Ты, телочка, больше не телочка. Ты гладиатор номер два. История такая: твой хахаль дал пососать хер приезжему пидору, и ты приревновал. Деретесь до первой крови. На-а-а ринг!
- Андрей не понял, как очутился лицом к лицу с другом.
- На кого ставишь? – донесся издали голос Солидола.
- На длинного, – ответил Журавель, – щас он второго быро уделает.
- Я не буду! – замотал головой Андрей.
- А не будешь, мы вас обоих втроем отмудохаем. И одной каплей не обойдется, врубился? Андрей поймал взгляд товарища.
- «Нет, нет, нет», – беззвучно шептал Хитров.
- Андрей сжал кулаки. Зачем-то стиснул их, словно правда собирался бить лучшего друга.
- Нет, – проговорил Хитров.
- О, а че тут у вас происходит?
- Все повернулись одновременно. Андрей вспомнил иллюстрацию из бабушкиной Библии: Иисус, спускающийся по лестнице с облаков.
- Междусобойчик, – сказал Солидол.
- Брат Ники Ковач оперся о надгробие. Синие глаза пристально изучали парней.
- Смахивает на драку. Вы че не поделили, пацаны?
- Вопрос адресовался Андрею, и мальчик ответил, с усилием ворочая языком:
- Они нас драться заставляют.

– Ага, – сказал Саша Ковач. – И как? Кто первый упадет?

– До первой крови, – сказал Солидол. – Я им предлагал с Журавлем драться.

Андрею показалось, что Солидол оправдывается. Вова стушевался, он смотрел на Ковача заискивающе, хотя Ковач был младше его на год.

– Ты кровь увидеть хочешь?

Солидол пожал плечами.

– А ты?

Журавель потупился. В две тысячи седьмом он будет воровать железо из вагона товарного поезда, и поезд отрежет ему ноги по пояс. Он перестанет пить, начнет посещать собрания свидетелей Иеговы (здешние иеговцы арендуют комнатку в здании швейной фабрики), встретит там женщину и там же детским шампанским отметит свадьбу. На сэкономленное пособие по инвалидности молодожены поедут в Сочи, и Журавель первый раз увидит море.

– И ты?

Женис Умбетов сплюнул на гравий. Через шесть лет сын библиотекарки зверски убьет гостиничную проститутку и будет осужден на полтора десятилетия в колонии. Его мать уволится из школы, не выдержав сплетен, но снова вернется к учебникам, когда поутихнет шумиха и коллеги забудут дефективного ученика.

Саша Ковач – ему осталось целых семь лет жизни – нагнулся и вытащил из насыпи нож. Повертел его, сдул пыль. Андрей наблюдал, открыв рот, как Ковач подносит лезвие к предплечью и полосует себя. Кожа разошлась под сталью. Обнажилось желтое сало. Точно маленький ротик открылся чуть ниже складки локтевого сгиба. Багряные струйки потекли по запястью, забарабанили по земле.

– Сойдет? – спросил Ковач.

– Да че ты, – кисло улыбнулся Солидол, – че ты, братан!

Он по-дружески пихнул Ковача, и тот, засмеявшись, пихнул его в ответ. Напряжение спало, защибетали птицы, и облака снова поползли над кладбищем.

– Перевязать надо, Сань. Ну, ты цирк в натуре устроил. – Солидол зыркнул на мальчиков. – А вы че до сих пор тут? Валите, ну!

Проходя мимо поликлиники и кладбищенских пихт, Андрей вспомнил все это, будто кино прокрутил в голове. Четко, слишком четко, вероятно, он дофантазировал отдельные детали. Заполнил лакуны несовершенной памяти. Хитров, Солидол, Саша Ковач, который уже тогда снабжал Варшавцево героином и порой отпускал наркотики в долг, и далекое-далекое, щелкающее болью роста лето.

11

Некоторое время он стоял во дворе, выпуская клубы табачного дыма, поглощая одну сигарету за другой. Как обжора после вынужденной диеты. Курил и наблюдал за окнами бабушкиной квартиры. Ретировавшись утром, он не выключил свет. Он четко видел люстру, наличники и верхнюю поперечину межкомнатного дверного проема темных, ведущих в пустую спальню дверей. Или она не пуста? Желтый прямоугольник окна гипнотизировал. Он ждал, что в любой момент призрак прильнет к стеклу, высматривал тень или движение за кухонными занавесками.

Вскоре организм перенасытился никотином, и конечности задубели на ветру.

«Ох, Машка, если бы ты знала», – мысленно обратился он к бывшей возлюбленной.

И пошел в подъезд. Не сразу справился с ключом: пальцы подрагивали.

– Ну, здравствуй, – приветствовал его мужской голос. И он почти сорвался, почти рванул, бросив квартиру открытой, но сообразил, что испугался телевизора.

– Я скучала, дорогой, – сказала актриса, обнимая сериального мужа.

Андрей выругался. Недоверчиво осмотрел комнату. Смятые простыни, пульт и чашка на полу у кровати, скинутые впопыхах тапочки. По стенам не стекала зеленая слизь, пятно несмываемой крови не проявилось на линолеуме. Все та же непримечательная бабушкина комнатка, по наследству перешедшая внуку.

Он выключил звук телевизора, заткнул болтливую актрису. Собрался с духом и пошел к спальне. От волнения вспотела спина. Он был возбужден, но почему-то не испуган. Пещера ужасов в этом луна-парке оказалась сделана на славу, отличная механика, грамотные скримеры, убедительные костюмы статистов. Атмосфера впечатляет, и попкорн вкусный. Но луна-парк остается луна-парком, у привидений нет зубов.

Он чувствовал себя зрителем, а не полноценным участником происходящего. Словно рассматривал спальню сквозь 3D-очки.

«Тумбочка будет стоять на своем положенном месте, запертая, – таковы правила фильмов ужасов».

Тумбочка была перевернута отворенным брюхом к потолку. Из нее вывалились блестящие гирлянды магнитной ленты. Ворох пленки, которую кто-то остервенело вытягивал из компакт-кассет. Сами кассеты лежали разломанные, извлеченные из коробок. Вкладыши были изорваны на мелкие кусочки. Пластмасса потрескалась.

Он уже не был так уверен в беззубости привидения. Руки у того точно имелись, чтобы уничтожить юношеские сокровища. Пока Андрей гулял с Никой, пока навещал учителей и Хитрова, пока ужинал у мамы, в пустой и запертой квартире немыслимая сила раскурочивала и ломала.

И хотя он никогда бы не вставил в магнитофонную деку ни одну из этих кассет, десять лет как обесценившихся, он ощутил обиду и раздражение. Он собирал их, он ездил за ними в область, перезаписывал, всегда бережно проматывал к началу. Не затем, чтобы их выпотрошила потусторонняя сволочь.

В нулевых в Варшавцево было много киосков с аудиопродукцией и большой магазин. Но продавалась там эстрада и шансон, сборники «Союз» и «Хиты осени». В лучшем случае – саундтреки к Балабановскому «Брату-2», избранные песни «ДДТ» и Цоя. Легче было найти окаменелости динозавра, чем редкий рок-альбом.

Но малочисленные варшавцевские поклонники рок-н-ролла умудрялись пополнять коллекцию. Ларьком около вокзала заведовал бородатый Коля Федорин. Он играл вместе с Ковачем в «Подворотне». Смерив юнцов-неофитов презрительным взглядом и недовольно поворачивая, он доставал из-под прилавка толстенную книгу. Страницы скреплены степлером, и каждая

запакована в пленку. Библия рок-гурмана, каталог ансамблей, чьи альбомы можно было заказать.

Мальчики водили по списку пальцами, представляли рай гигантским хранилищем кассет. Вынимай и слушай любую!

– Мне, пожалуйста, «Комбат» The Clash и вот эти два альбома Cramps, – просил Хитров, отсчитывая деньги. После мучительных внутренних дебатов Ермаков останавливал выбор на каком-нибудь бутлеге «Гражданской обороны».

– А где вы их берете? – спросил он как-то, и всемогущий Федорин сказал, что это не его ума дело.

– Приходите в пятницу, – раздраженно бурчал он в бороду. И в пятницу они получали заветные кассеты и мчались домой, счастливые. Еще были живы Джо Страммер из The Clash и Люкс Интериор из Cramps, и Егор Летов не разложился на плесень и липовый мед. И крутились в магнитофонах кассеты, чья судьба была предрешена свыше.

Андрей вынул из проушины навесной замок. Защелкнул его и попробовал заново расщелкнуть. Не вышло. Он нахмурился.

В его дом вторглись, его сундучок разорили. Пленка напоминала гору внутренностей и жалобно шуршала под ногами. Была причина злиться.

Он стоял посреди хаоса из пластмассы, разноцветного бумажного мусора и магнитной ленты. Он, человек, который два года вел «Мистические истории». Он бывал в домах, населенных свидетелями паранормальных явлений, женщинами и мужчинами, ошалевшими от водки, наркотиков и скуки. Он интервьюировал людей, готовых нести несусветную ахинею, лишь бы попасть в телевизор. Он разговаривал с матерью-одиночкой, ремнем лупившей свою трехлетнюю дочь до черных синяков, чтобы потом обвинить в насилии полтергейста. Он ездил через всю страну в забытый Богом поселок Степное, где одержимый дьяволом фургон якобы убил пять человек. И пока он вел репортажи на фоне графских поместий, Маша изменяла ему с лучшим другом.

Он знал, что сказала бы главный редактор «Мистических историй»:

– Я не сомневаюсь, что в твоей спальне живет привидение. Я верю и не в такую чушь. Но покажи мне выжженные на обоях пентаграммы, перевернувшиеся кресты, да хотя бы пятна экскрементов на унитазе, явно образующие демоническое лицо. Покажи, или выжги, переверни, насри сам. Нам нужна картинка, Андрей, зритель не будет смотреть на кучу старых битых кассет.

Он вспомнил одну из ранних передач. Выпуск, посвященный неодушевленным предметам, вставшим на криминальный путь. Вроде красного кинговского автомобиля, оживающей кровати из старого би-муви или куклы Чаки. Именно для этого выпуска они отсняли ржавый полукапотный фургон.

Съемки запали в душу еще и тем, что частично проходили здесь, в родном Варшавцево. Телевизионщики приехали опросить мрачного, очевидно, запойного шахтера. «Наш клиент», – говорила о таких редактор. Но рассказ мужчины, вопреки обыкновению, вызвал доверие. Первый раз за два сезона ведущего действительно пробрало.

Вкратце история звучала так: племянник шахтера Влад...

(...не был трусом. Он веселился на самой вершине чертова колеса, когда его родители в последний раз гуляли вместе. Его не испугал и жутковатый фильм про девочку, вылезающую из телика.

Нет, в детстве он просил маму не выключать в спальне свет и около месяца избегал собак – после того как цепная Найда укусила его за руку. Но только месяц. Страх ушел, оставив шрам на кисти. Страх темноты испарился, не оставив шрамов.

Влад повзрослел и в одиннадцать лет ничего не боялся.

До того дня, как мать привезла его к дяде Назару.

До того момента, как он увидел все эти пятна, сливающиеся в единый неясный рисунок.

– Нравится? – спросил Назар, перехватив взгляд племянника. – Я купил его в восьмидесятых, во время командировки в Ашхабад. Знаешь такой город?

– Столица Туркменистана, – механически ответил Влад, не отрываясь от багровых завитков.

– Молодец! – дядя провел ладонью по красному ворсу. – Взял за бесценок на рынке. Анти-кварти! Ручная работа.

Сказав это, он покинул спальню, а Влад робко спросил у мамы:

– Мы здесь надолго?

– Всего на пару дней, – ответила мама и погладила его по волосам.

«Всего?» – ужаснулся мальчик, а вслух спросил:

– Папа тоже сюда приедет?

– Нет, – отрезала мать и ушла за братом, оставив его один на один с красными извивающимися завитками.

В последнее время родители Влада сильно ссорились. Каждый вечер он слышал их приглушенные голоса за стеной. Мать говорила что-то про «ту змею», и Влад догадывался: речь идет не о настоящей змее, а о тете Марине, очень красивой женщине с папиной работы. Он надеялся, что мама с папой помирятся и всё снова будет хорошо, как в субботу на аттракционах. Но вчера родители кричали друг на друга, и ему пришлось закрывать голову подушкой. Утром мать собрала чемодан.

– Мы поедem к дяде Назару. Ты же хотел побывать у него в гостях.

Сколько Влад себя помнил, он никогда не выказывал подобного желания. Раньше дядя ему не нравился. Они и виделись-то всего три раза, и мамин брат запомнился ему высоким мрачным типом с холодными глазами.

Назар называл племянника «малой» и грозил забрать с собой на Север. Там, по его словам, малой научится жизни. Подобная идея Влада не вдохновляла. Слава Богу, отец тоже высказывался против. Когда заканчивались непродолжительные дядины визиты, он говорил матери:

– Пусть сам едет в свою Сибирь, а моего сына не воспитывает.

– Перестань, – отвечала мама, – ты знаешь, через что он прошел.

Однажды мама показала Владу фотографию, на которой дядя стоял в обнимку с незнакомой женщиной, держащей на руках ребенка. Дядя широко улыбался, отчего совсем не походил на себя.

– Это тетя Катя, – пояснила мама, – они с Назаром развелись. А это маленький Сережа, твой двоюродный брат. Он умер до твоего рождения.

– Почему? – изумился Влад.

– Задохнулся во сне, – грустно сказала мама, – с очень маленькими детьми такое случается.

– Поэтому дядя стал злым?

– Он не злой. Он несчастный.

После разговора отношение Влада к Назару изменилось, и все равно он ни разу не просил отвезти его к дяде.

Как говорил отец: «Твоя мать всегда навязывает свои желания другим».

Между командировками на север дядя обитал в соседнем Варшавцево. И, увы, он был дома, когда мама нервно запихивала вещи в чемодан.

Рассматривая осенний пейзаж из окна междугороднего автобуса, Влад думал о потерянных выходных и глупом мамином упрямстве. Несколько раз в мозгу всплывало страшное слово «развод».

Дядя встретил их на автовокзале. Он, кажется, стал еще выше и угрюмей.

– Все будет хорошо, малой, – сказал он.

«Если ты перестанешь называть меня малым», – подумал Влад и пошел за взрослыми. Из долетающих до его ушей обрывков фраз он узнал, что мама не собирается воевать с «этой змеей» за «эту тряпку».

Дядя жил в трехкомнатной квартире без приключенческих книг и игрушек.

– Вот твоя спальня, – сказал он, и Влад забыл про все на свете.

Его взгляд прикипел к настенному коврику над кроватью.

Влад вздрогнул.

Ковер был красным. По полю цвета запекшейся крови расплзались геометрические фигуры. Алый клинообразный орнамент окантовывал их. В углах причудливо извивались пурпурные узоры. Центр занимал багровый ромб с черной сердцевинкой. Арабески не имели никакого смысла. В конце концов, это был просто купленный за копейки старый ковер, а вовсе не шедевр иранских или грузинских ремесленников.

Но он насторожил Влада настолько, насколько мог насторожить пес, пускающий из пасти розовую пену.

Это было глупо – он понимал.

Глупее – испугаться люстры или пылесоса.

В конце концов, у него дома тоже висел ковер, с виноградной лозой и листьями, и он никогда не замечал его по-настоящему, как не замечают фон, примелькавшийся и навеки встроенный в быт.

Ковер дяди Назара невозможно было не заметить. Из-за его аляповатости, кричащей красноты. И еще из-за чего-то.

– Нужно вытереть пыль, – сказала мама, входя в спальню с тряпкой, – здесь давно никто не жил.

Влад провел глазами по алому орнаменту. Чем дольше он всматривался в узор, тем больше тот походил на языки пламени. Казалось, вот-вот раздастся потрескивание костра и пламя задвигается внутри этой распахнутой на всю стену топки.

Взгляду стало горячо. Влад отвернулся.

Мать яростно терла стол, и ее губы беззвучно шевелились.

Влад вышел в ванную и провел там час. Никто не заметил его покрасневших белков.

Позже он ел макароны по-флотски и слушал разговор взрослых, которые будто не замечали его присутствия. Из разговора становилось ясно, что терпение мамы окончательно лопнуло. Ничего хорошего это не сулило.

Влад допил чай и услышал:

– Иди в свою комнату.

«Это не моя комната!» – хотел возразить он, но выражение маминого лица было жестким и пугающе похожим на угрюмую гримасу дяди Назара. Мальчик побрел в спальню.

Из дома он прихватил томик о приключениях Конана Киммерийца и сейчас стал читать, устроившись у окна спиной к кровати.

В книге было все, что нравилось Владу: свирепые монстры, магия, битвы на мечах. И девушки, красивые, как тетя Марина, – с некоторых пор ему нравились и они. Но сегодня, в чужой спальне (где давно никто не жил), ему не удавалось сосредоточиться.

Влад закрыл книгу и повернулся к хаосу из красных абстрактных фигур.

Он подумал, что человек, выткавший это уродство, был безумен или сильно пил, а может, и то и другое. Рисунок раздражал, цвета заставляли глаза слезиться. И в то же время нагромождение пятен не отталкивало взгляд, а, напротив, странным образом притягивало.

Шестое чувство подсказало Владу: мастер, пусть и сумасшедший, был не лишен таланта. Ему удалось расположить узоры так, что, когда смотришь в один угол, фигуры еле заметно двигаются в другом, на периферии зрения.

Никакой магии в стиле Конана, обычный фокус, иллюзия. Вроде тех картинок, что обретают глубину и выдают спрятанный сюжет, если всматриваться в них определенным образом.

Влад решил шутки ради проверить, не содержит ли ковер подобный секрет, и сосредоточился на его центральном медальоне. Он слегка скосил глаза и расфокусировал взор. Несколько секунд ничего не происходило, а потом узоры в углах ковра зашевелились. Линии сплелись в спирали, а языки пламени зашевелились, словно ковер горел.

Влад недоверчиво хмыкнул и попытался отморгать наваждение, но веки не подчинились ему. Спираль набирала обороты, фон провалился внутрь, и картина стала объемной. Теперь над кроватью зиял вход в алую пещеру, в страшную комнату за очагом.

У мальчика закружилась голова, он вскрикнул и рывком выдернул якорь взгляда из кровавого океана.

Калейдоскоп остановился, обернулся простым ковром.

– Я ухожу по делам, – сказал дядя Назар из коридора, – квартира в вашем распоряжении. Вернусь поздно, не ждите.

– До свидания, – пролепетал Влад чужим голосом.

Мама заперлась в гостиной и долго говорила по телефону с подругами. Влад устроился на кухне. Постепенно чтение захватило его, и он прочитал сто страниц, ни разу не вспомнив про ожившие узоры. Но как только за окном стемнело, мысли вернулись в реальность.

«Я буду спать прямо под ним», – опасливо подумал мальчик и тут же отругал себя за трусость.

– Мне не восемь лет! – сказал он вслух. – Подумаешь, старый ковер!

Решительным шагом он вошел в спальню и взобрался на кровать. Впервые он коснулся ковра руками. Пальцы прошли по жесткому ворсу. Ощущение, будто гладишь грязную собаку. Вся уверенность мигом испарилась.

Влад приблизил лицо к коврику и понюхал его.

Ворс пах шерстью дикого животного, пахью Найды, неожиданно накинувшейся на маленького Владика.

«Что-то изменилось, – с нарастающим ужасом подумал Влад, – он изменился!»

Запомнить точное месторасположение всех бессмысленных фигур было нереально, но одна деталь четко бросалась в глаза.

Алый орнамент у каймы больше не напоминал пламя. Извивающиеся клинья обернулись зубами, частоклоом клыков по периметру квадратной пасти.

«Голодной пасти», – подумал Влад.

Ему захотелось позвать на помощь маму. И он позвал ее.

– Ма, давай снимем ковер со стены.

– Ты что? – Мама удивленно оторвалась от журнала. – Мы не у себя дома. А что случилось?

У Влада был заготовленный, почти правдивый ответ:

– Он воняет.

Мама проследовала за сыном в спальню. Впервые посмотрела на красное полотно.

– Какая безвкусица, – скривилась она.

Влад воодушевился:

– Ты его понюхай!

– Нюхаю. Пахнет пылью. Этой комнатой никто не пользовался с... – она осеклась, – долго.

Влад подбежал к коврику и принялся. Запах псины исчез. Ворс пах, как и положено старому ворсу. Очередной трюк.

– Фу, – преувеличенно поморщился мальчик, – надо снять его на время.

Мама с сомнением оглядела ковер, потом взялась за его край и отодвинула. Чем дольше она смотрела в зазор между стеной и ковром, тем сильнее хмурилась.

Страх отразился на лице мальчика. Ему казалось, что из зазора выскользнет рука скелета, схватит маму за горло и утащит в красные недра.

«Не трогай его!» – хотелось закричать ему, но мать сама отпустила ковер.

– Снять не получится, – объявила она. – Стенка отсырела, на обоях грибок. Лучшие уж так, чем без него.

Мальчик с мольбой уставился на мать. Она потрепала его по волосам, не особо ласково:

– Послушай, дорогой, это всего на два-три дня. Мы с папой уладим наши проблемы, и ты вернешься домой.

– А как же школа? – разыграл он последний козырь.

– В школу я позвоню.

Мать развернулась на носочках и пошла в ванную. Зашумела вода.

Влад всхлипнул совсем как маленький. Пока мама мылась, он позвонил отцу.

– Да, сынок, – сказал папа слишком развязно для человека, чья семья исчезла.

– Па, – прошептал мальчик, – мы у дяди Назара!

– Я так и думал, – ответил отец.

«Если думал, почему не забрал нас?» – едва не вырвалось у Влада, но он посчитал разумным задать другой вопрос:

– Па, когда ты приедешь за нами?

– Понимаешь, Владик, у нас с твоей мамой не лучший период в жизни. Нам необходимо во всем разобраться. Думаю, она поступила правильно, поехав к брату.

– Но, папа...

– Отдохни от школы некоторое время...

– Па...

– Это не продлится долгие недели.

– Папочка...

– Мне надо бежать, сынок. Звони мне, хорошо?

В трубке раздались гудки.

Мама уснула сразу после ужина. Влад остался наедине с собой, с наполнившими квартиру звуками. За окном шелестели ветки деревьев и подвывал ветер. У соседей, счастливых обладателей красного ковра, работал телевизор.

Врата в уютный мир Конана Киммерийца захлопнулись, не желая впускать чужака.

Одиноким и несчастным Влад поплелся в спальню. В темноте он добрался до постели, и здесь его ждало новое открытие. Вытянуться на кровати в полный рост было нельзя. Ступни упирались в изножье, и означало это одно.

Кровать принадлежала ребенку намного младше Влада. Его двоюродному брату, умершему в младенчестве. Умершему здесь, под кроваво-красным ковром.

Влад посмотрел вверх. Ковер возвышался над ним отвесной стеной, и даже темнота не скрывала его цвет.

А по поверхности, между узорами, а по красной поверхности...

Влад скатился на пол и бросился к выключателю. Он боялся, что люстра не включится, что ковер впитает в себя свет, но комната осветилась. И кошмар не исчез.

Жуки – тысячи жуков – ползали в ворсе. Ковер кишел ими, черной слюдянистой массой. А еще там были блохи, скачущие в пределах красного. И большие зеленые кузнечики, одним прыжком преодолевающие расстояния от угла до угла. И жирные сороконожки, свернувшиеся

в медальоне, переползающие друг друга сколопендры, чудом удерживающиеся на поверхности медведки...

Крик Влада брызнул по квартире, грохнула дверь. Испуганная, растрепанная после сна мать возникла на пороге.

Влад, потерявший дар речи, ткнул пальцем в ковер.

В самый обычный, купленный за бесценок ковер.

– Ну и? – строго спросила мама. Страх сменялся в ней нарастающим гневом.

Мальчику понадобилось усилие, чтобы заговорить:

– Там были насекомые!

– Тараканы?

– Нет! Жуки! Черви! Сороконожки!

Мать понимающе кивнула.

– Сороконожки, значит. – Она глубоко вздохнула и оперлась рукой о стену. – Послушай меня, сынок, – вкрадчиво сказала она. – Эти выдумки не помогут тебе быстрее вернуться домой. Мы будем дома – я тебе обещаю – через три-четыре дня. А пока сделай одолжение, – ее голос стал жестче, – будь мужчиной и поддержи меня хоть немного. Не криками, а спокойствием. Мы договорились?

– Я не выдумывал, – горячо воскликнул он.

Мать выставила перед собой указательный палец.

– Мы договорились?

Влад яростно дернул себя за край футболки и молча пошел к кровати.

– Будем считать, что да.

Мать выключила свет, но тут же включила его в коридоре:

– Я оставляю лампу на ночь. Хороших снов.

Влад лежал в кровати, лицом к окну, и прислушивался. По-прежнему шумел ветер. Соседи отправились спать. Из гостиной не доносилось ни звука. Мама обычно засыпала очень быстро.

Как назло, начала неметь прижатая туловищем кисть.

Влад покосился через плечо. Освещенный коридорной лампой ковер не шевелился.

«А как, интересно, он станет шевелиться?» – спросил у самого себя Влад. Сарказм придал смелости. Он перевернулся к стене.

Ковер не вонял, не скалился, и уж точно по нему не прыгали виши. Влад разглядывал завитки и спирали и постепенно успокаивался. Его веки отяжелели, дыхание выровнялось, рука сползла к краю кровати, уткнулась в ворс.

Сонный взгляд блуждал по причудливым узорам, и Влад подумал, что пятно в левой половине ковра похоже на человеческое лицо.

Точно, на профиль мужчины. Вот вздернутая острая бровь, изогнутый рот, раздувающаяся ноздря. Как он раньше этого не замечал?

Влад приподнялся на локте, удивленно разглядывая обнаруженный портрет.

«Никакой не портрет», – одернул он себя, а человек из узоров распахнул глаз и посмотрел на него голодным взглядом.

Влад сдавленно вскрикнул. В соседней комнате мать накрыла голову подушкой.

Ковер сорвался со стены, рухнул на Влада огромной красной молью. Крылья запахло, сжимая в душных объятиях. Ковер светился ярким красным светом, и погребенный мальчик видел лицо в десяти сантиметрах от себя.

Уже не профиль, а хищный анфас, злые глаза, распахнутый рот, из которого сыпались дохлые кузнечики.

Влад хотел закричать, но лицо прижалось к нему колючим ворсом, и сухие, как ветер в пустыне, губы мертвеца запечатали крик.

Влад...)

...жаловался на исходящий от настенного ковра запах и якобы ползающих по нему насекомых, а спустя час этот самый ковер сорвался со стены. Мальчик умер, задушенный его тяжестью, причем умер на той же кровати, на которой в младенчестве скончался сын рассказчика.

Готовя передачу, Андрей вычитал в Интернете об аятлыгах, ритуальных коврах. В них туркмены заворачивали покойников, чтобы везти на кладбище. Он вставил аятлыги в сюжет, но редактор его забраковала.

– Хотя бы ковер какой-нибудь раздобыли, – негодовала она.

Убитый горем дядя сжег на пустыре нехороший ковер, о чем Андрей и заявил редактору. Ковер, – утверждал дядя Влада, – стонал, сгорая в пламени.

– Ковров, что ли, мало? Нашли бы любой, чтобы мужик на фоне вещал.

Шахтера заменили на фейковую проститутку, чью фейковую подругу убил вибратор. «Мистические истории» лишились единственного героя, которому Андрей поверил.

– Нет, приятель, – сказал он своему хулиганистому привидению. – Это шоу для эфира бедновато.

И пошел, насвистывая, сервировать стол. Через полчаса в дверь позвонил Хитров. Хитров притащил елку.

12

Они говорили о прошлом. О Варшавцево, странном городе, присобачившемся к трассе. Его скачущих тропках, его резких нырках в балки. Ветер приносит из степи туман, заливает в чашу карьера, и вода становится похожа на чай с молоком. Туман белыми змеями ползает по оврагам, перекидывается через парапеты. Центральная площадь выткана его паутиной, беле- сый дым окуривает подножье памятника, и серый фасад ДК, и автовокзал, с которого хочется уехать навсегда. Бредущие в потемках торопятся скорей очутиться среди живых. Из рвов вязко тянутся щупальца, норовят схватить за шиворот.

Здесь есть два стадиона, две парикмахерские, туннель, связующий поликлинику и кладбище, и красные ковры на стенах. Здесь люди закупаются к праздникам, пишут стихи, а художественный руководитель Елена Сова – она будет членом жюри фестиваля «Степные строки» – пишет очередное письмо на сайт Государственной Думы: она требует переименовать город, потому что геологоразведчик Н. Л. Варшавцев в Гражданскую войну казнил мирных жителей, степняков, упокоенных в безымянных могилах.

Варшавцев смотрит на деревянный крест за торговым центром. Никто никогда не построит здесь церковь.

– Я был уверен, что к тридцати мы станем звездами.

Они пьют на кухне, виски согревает, умиротворяет. Это жутко уютно: пить и болтать с лучшим другом, когда за окнами вьется туман. Они прислушиваются к паузам между фразами. Им нужно рассказать друг другу о диких и неправдоподобных вещах.

На столе сырная нарезка, лимон, упругие и шероховатые огурчики, оливки (в детстве Андрею казалось, что оливки воняют туалетом). Андрей отыскал на антресоли пластмассовое ведерко и погрузил в него елочку. Укутал ведерко простыней, получился эдакий сугроб.

– Ты и стал звездой, – сказал Хитров.

Ему не хватало этого: обаятельной улыбки товарища, газовой колонки над плитой (она однажды громынула так, что Люда или Лида едва не потеряла сознание), ворчливого холодильника.

– Звездой, – горько улыбнулся Андрей, – ты эту дрянь видел вообще?

– Я целевая аудитория.

– Нет, Толька. Не о том я мечтал. Не...

«Не собирался встречать две тысячи семнадцатый в вашей глухомани», – чуть не вырвалось у него.

«Счастливый ты, Толька, – подумал Андрей, – женщина любимая, доченька. И мы с Машей деток планировали завести, и в Прагу смотаться, и черт-те что еще».

Было больно представлять Машиного ребенка, похожего на папочку, на Богдана. Серо-глазого, русого. В такие секунды шева возвращалась и вновь ввинчивалась в кишки.

Телефон Хитрова заиграл песню Лу Рида.

– Жена звонит, – извинился Хитров и выскользнул в коридор. Сид Вишес на плакате тоже был родным, из их с Ермаковым общего прошлого.

– Отмечаете? – спросила Лариса.

– Ну, так, по-скромному.

– Отмечайте, не спешите. Юла заснула, а мы с твоей мамой чай пьем.

– Сплетничаете?

– Естественно. Толь...

– Да?

– Расскажи Ермакову про змей.

Хитров вздохнул. И как она себе это воображает? Короче, Ермак, у нас с женой крышу снесло, нам гадюки мерещатся. К гадалке не ходи, решит Ермак, что друг в «Мистические истории» метит.

– Расскажу, – пообещал он. И поплелся на кухню, где Ермаков нарезал яблоко.

– Все нормально? – Андрей оглядел нахмуренного приятеля.

– Да, – неуверенно сказал Хитров. И залпом осушил свою чашку. Заел оливкой.

Андрей ждал.

– Ермак, а ты как считаешь, есть на самом деле что-нибудь такое... необъяснимое?

– Есть, – убежденно сказал Андрей.

«В соседней комнате», – подумал при этом.

– Слушай, – Хитров обвел пальцем подсолнухи на клеенке. – Я тебе про ремонт соврал.

– Любопытное начало.

– Мы к родителям переехали, потому что у нас в квартире...

Челюсть Андрея непроизвольно приоткрылась, и дыхание перехватило. Опережая исповедь, он догадался, что именно намеревается сказать ему Толька.

– ...Не знаю, как это назвать. Херня у нас в квартире творится. Плохая херня.

Андрей моргнул, изумленный. Отяжелевшее сердце барабанило в такт с холодильником, жужжащим под лопатками.

– Неделю назад, – продолжил Хитров, поощренный вниманием друга, – Ларе начало казаться, что в доме буянит домовая. – Он смущенно поерзал. – Переключает каналы, книжки переворачивает. Сережки, мол, похитил, она их в мусорном ведре обнаружила. Я ей, конечно, не поверил. Мало ли какая блажь женщине мнится. Насмотрелась «Мистических историй», «Битвы экстрасенсов» на ночь... Ух, – Хитров почесал скулу, – тяжело дается мне разговор.

– Ты продолжай, – попросил Андрей. Его голос вибрировал от возбуждения.

Хитров ожидал немного иной реакции. Он ведь не добрался до главного, а Андрея уже странно колотит.

– В субботу я с репетиции пришел. Юлька спала. Я только на минуту отвлекся, а когда повернулся к ней...

– Что ты увидел? – с нажимом спросил Андрей.

– Змей. Десятки гадюк в постельке Юлы. Андрюха, я их видел как тебя, даже ближе. Желтые и черные змеи. И Юла стояла в кровати, она не плакала, она, наоборот, улыбалась мне и держала за хвост метровую гадюку. И сейчас самое безумное. Плесни-ка каплю.

Андрей послушно налил виски. Горлышко дребезжало о края чашек.

Жидкость обожгла горло, Хитров прокашлялся. Алкоголь не пьянил, слова давались с трудом.

– Ладно, пофиг! – Хитров махнул рукой. – Заговорила Юла. Она в ноябре пролепетала «мама», и мы чуть от радости не умерли. А в субботу она сказала: «Белая лилия черной зимы». Вот мне, Ермак, она это сказала, вот в эти уши.

– Твоя дочь... – пробормотал Андрей.

– Моя дочь, – запальчиво воскликнул Хитров, – моя семимесячная дочь сказала мне: «Белая лилия черной зимы». Или не она, а то, что ею руководило, понимаешь? Как в «Изгоняющем дьявола». О, черт, как это похоже на бред... но, Андрюха, голос был... знаешь, эта программа в «Гугле», которая озвучивает написанное, неправильно расставляя ударения? Механический, искусственный.

– Белая лилия? Что это – «белая лилия»?

– Ума не приложу, но я слышал, и Лара слышала. Она вбежала в детскую и видела змей. А потом змеи исчезли. – Он подул на ладонь. – Развеялись. И мы посреди ночи поехали к моим родителям.

Андрей схватился за лоб, его взгляд маятником носился по полу.

– Это всё? Змеи и заговорившая Юля?

– Еще кое-что. У нас в группе поет мальчик по имени Платон. И тексты пишет. За полчаса до вот этого... до вот этой дряни он дал мне новый текст. Я позже его прочитал.

Хитров рассказал о стихотворении, о краеведческом увлечении Платона и пропавшей в двухтысячном девушке.

– Лиля Дереш? – Андрей покачал головой. – Впервые слышу. Нам тогда по четырнадцать лет было, мы не водили знакомств с шестнадцатилетними девочками.

– То-то и оно.

Андрей посмотрел на Хитрова сочувственно и ошарашенно.

– Как ты не поседел? Как ты все это пережил, Толька?

– Да не пережил пока, – сник Хитров. – Благо, оно за нами из квартиры не вышло. Ну, то, что там было. Домовой... или... Господи, я бы в жизни тебе не рассказал, но Лара умоляла. Ты же гуру, на чертовщине собаку съел. Так ты мне веришь?

– Верю? – Андрей порывисто бросился к приятелю, вцепился в его плечи и затряс. При этом он улыбался и выглядел совершенно ошалевшим. – Толька! Слушай меня, Толька! Тут, в этой квартире, в бабушкиной спальне, живет привидение.

– Что? – переспросил Хитров.

«Он издевается надо мной? – мелькнула мысль, набухла обидой. – Зубоскалит?»

– Призрак, Толя! Привидение! Богом клянусь!

– Да иди ты, – Хитров сердито оттолкнул Андрея. – Знал же, что высмеешь.

– Толя! – буквально взвыл Андрей. – За мной немедленно!

И, ухая филином и нервно хохоча, он помчался в спальню. Озадаченный Хитров шагал следом.

– Что тут случилось? – захлопал он глазами перед грудой разломанных кассет.

Андрей рассказал. Мама. Утренний поход в туалет. Посторонние звуки. Рука, высунувшаяся из опрокинутого ящика. Дезертирство и учиненный привидением акт вандализма.

Хитров лишился дара речи. Он стоял, таращась на пленку, на обрывки цветных вкладышей. Он бы ни за что не поверил в подобное, если бы не субботний феномен.

– Говоришь, на прошлой неделе началось? – Андрей взбудораженно усмехался. – И мама засекла мою барабашку как раз на прошлой неделе. И у тебя, и у меня дома творится что-то необыкновенное. Твои змеи и мой ненавидящий рок-музыку Каспер. Нам нужно понять! Найти взаимосвязь...

– Вот она. – Хитров указал под ноги. – И вот, – он перевел взор в угол, – и там, возле тумбочки.

– Как я же раньше не заметил, – прошептал Андрей.

Кусочки порванных обложек лежали не хаотично – они образовывали коллаж. Повторяющееся трижды слово. Андрей узнал шрифт. Слог «ли» был взят из названия группы «Алиса», а буква «я» позаимствована у «Гражданской обороны».

«Ли-ли-я». «Ли-ли-я». «Ли-ли-я».

– Это твое имя, да?

Хитров поежился, поняв, что друг обращается не к нему.

– Прекрати, – сказал он, – и пойдем отсюда быстрее.

– Я бы выпил.

– Я тоже не откажусь.

Они вернулись на кухню. Андрей хмыкал и кусал ногти. Хитров оцепенело уставился в одну точку и барабанил пальцами по столешнице.

– Она хочет нам что-то сказать, – резюмировал Андрей. – Эта Лилия, возможно, Лилия, как ее...

– Дереш.

– Да, Лиля Дереш.

– Но почему нам?

У Андрея не было ответа.

Хитров приехал домой на такси в час ночи, стеклянно-трезвый. Забрался под одеяло, Лариса обняла его горячими руками и ласково сказала, что он алкоголик. Он лежал, всматриваясь в темноту, расплющенный путаными мыслями.

На улице Быкова Андрей метался по кровати: у него тянуло ноги, боль ковырялась в мышцах и выкручивала жилы.

Кто-то поскреб дверной дерматин снаружи. Андрей посмотрел в коридор, смутно осознавая, что это сновидение, кошмар.

– Не открывай, ба! – простонал он.

– Спи, внучек, – сказала бабушка, выходя из кухни.

Она кланула щеколдой, и сжавшийся в постели Андрей различил на пороге темную фигуру.

– Мы вас ждали, – сказала бабушка, отступая.

Человек вошел в квартиру.

«Какой гадкий у него шрам», – подумал Андрей.

– Спи, – приказал человек, и холодные мозолистые пальцы прикоснулись к голой мальчишеской груди.

Бабушка пряталась за спиной ночного гостя.

Андрей спал.

13

Эрекция случилась, когда он выехал из городка. Сидя в полутемном автобусе, среди потрепанных, зевающих людей, он незаметно массировал пах. Трогал сквозь брюки вдетое в уздечку члена кольцо из медицинской стали. И улыбался: в стекле отражались крупные белые зубы. За окнами проносились черные силуэты шахтерских башен.

Автобус выплюнул его в соседнем городе. В такой же клоаке, как Варшавцево. Член выпирал, пульсировал под трусами, штанами и пуховиком. Указывал путь. По вокзалу бродили тетки с огромными сумками, цыгане, придорожная рвань. Кавказец торговал мертвыми елками. Аромат хвои смешался с запахом бензина и вонью несвежих носков. Возле касс отирались голодранцы; он прошел мимо них, через парковку и рынок, прочь от неона, голосов, глаз. Глянцевито отсвечивал асфальт.

У него было много имен, много личин. Узник, Форвард, Могильная Свинья.

Сегодня вечером он примерял любимую маску. Во мраке вдоль отбойника пробирался Карачун.

Древний славянский бог, выходец из Нижнего Мира, предтеча беззубого старикашки Николая с его дурацкими подарками и корпоративными шоколадками. Покровитель тьмы и мороза. Он являлся умирающим в снегах, окоченевшим, обреченным на смерть. Целовал холодными губами стекленеющие зрачки солдат. Слушал, припав к посиневшим телам, как сердце последними слабыми толчками гонит леденеющую кровь. И зубы его были сосульками, и сосульки шипами росли вокруг головы. Сторогий бог шагал по бесплодным землям, а позади бесновалась в метели его свита: голодные медведи-шатуны, чьи пасти истекали пеной безумия; железнокрылые птицы-вьюжницы и огромные черные волки; и обмороженные мертвецы, колонны скрипучих трупов в броне наледи.

В другие дни он был импотентом, но у Карачуна всегда стоял колом.

Пронесся, ошпарив светом фар, грузовик. На пригорке возвышались девятиэтажки, нашпигованные суетой, хрупким теплом и человеческим фаршем.

– Малыш! – Из тени выскользнула рыжая девка. Она притопывала сапожками, выдыхала облачка пара. Обильно нарумяненные щеки покраснелись. Под белилами, под кожей двигалась алая река. – Угостишь сигареткой? – спросила она жеманно. Ветер дергал за рыжий скальп.

– Н-н-не к-к-курю, – заклокотал он.

В карманах набрякли кулаки.

– Развлекься не желаешь? – девка слизала с губ слой гигиенической помады. Если бы не пост около трассы, ее можно было бы принять за торговку овощами.

– С-с-сколько?

Позади прогремела фура. Озарила две фигурки на обочине. От заползшего в морщинки яркого света лицо сорокалетней «бабочки» стало уродливым и плоским. Карачун подумал о высушенных головах, которые использовали, как талисманы, африканские племена.

– Тысяча за отсос, – сказала рыжая.

– П-п-пятьсот.

– Ладно.

Он последовал за ней к новостройкам. Девка достала из куртки пачку и закурила тонкую сигарету.

– Ты местный? – проявила любопытство.

– Д-д-да.

– А я Нового года жду, – невпопад брякнула рыжая.

В его фантазии медведи и волки рычали и скребли когтями асфальт.

Беседа исчерпала себя. Они молча поднялись на холм, где гнезился продуваемый ветрами микрорайон. Вошли в открытые подъездные двери. Из квартир струился запах готовящегося ужина, жареной картошки и котлет. Запах нехитрого быта. Задребезжал лифт. В тепле у девки разыгрался насморк. Она хлюпала носом и безуспешно искала влажные салфетки.

Карачун заглянул в грязное зеркало на задней стенке лифта. Рога сияли, пронзая кабину.
– Сейчас согреемся, – сказала ничего не замечающая девка.

Они поднялись на площадку между девятым этажом и чердаком. Рыжая расстегнула куртку. Закопошилась, задрала свитер и капустный ворох одежды под ним. Придавила подбородком, чтобы он полюбовался ее белым, как рыбье брюхо, животом и маленькими, похожими на пустые мешочки грудями. Он коснулся растяжек, потискал дряблую плоть. Девка вздрогнула. Руки его были ледяными. От неприятной ласки затвердели огрубевшие соски.

– Деньги вперед.

Он вручил ей сотенные купюры. В квартирах внизу бурчали телевизоры, шипела на скородках еда, бились сердечки.

– Вынимай его, малыш, – прогундосила рыжая.

Он позволил члену вырваться наружу. Головка уставилась в испещренный спичечными подпалинами потолок. Уретра сочилась предэякулятом.

Рыжая отвлеклась от серебристой упаковки.

– Ни хрена себе, малыш. Вот это агрегат. Не тяжело его волочить, а?

Она достала презерватив, поработала челюстью, разминаясь.

– У тебя там пирсинг!

– Д-д-давай! – Он нетерпеливо подвигал тазом.

Она взяла губами латексный кружочек, нагнулась и облачила член в прозрачную шкурку. Села на ступеньки, предварительно подложив под задницу сумку. И зачавкала, обрабатывая клиента. Рукой она массировала член у основания, старалась, чтобы он побыстрее кончил. Дальнобойщики не будут ее ждать.

Древнее божество разрешило смертной припасть к посоху. В венах текли студеные ручьи.

Оргазм приближался. Карачун стал буравить гортань проститутки, загоняя член по самый корень. Яички хлопали о недовольное лицо рыжей, ее чертовы коронки царапали нежное естество.

– Д-д-да! Д-д-д...

Он выпустил семя в презерватив. Судорожно дернулись волосатые ляжки. Девка замычала. Он поболтал опадающий пенис в ее пасти, вытащил его и сорвал защиту. Завязал узлом и спрятал. Мертвецы-студеныши идут за Карачуном, слизывают с сугробов колючую сперму и воют.

– Хорошего вечера, малыш, – сказала вежливая девка.

Если бы она ведала!

Он шел к вокзалу, на ходу проверяя страничку в социальной сети. Двадцать семь не отвеченных сообщений, пять заявок в друзья, шестнадцать комментариев. Подмывало сменить статус и профильную фотографию, но другие личины были против.

Он проголодался. Рыжая дрянь высосала силы. Нужно пополнить их. И выпить. Он единственный из всех личин употреблял алкоголь. И не маялся похмельем: утром Карачун растворялся в пустынях Нижнего мира. Пост сдал, пост принял.

Электронное табло предупреждало, что автобус до Варшавцево задерживается. Распечатка на входе в буфет просила не приносить свою закуску.

Карачун слился с толпой, с людской сутолокой.

Буфет был забит до отказа. Посетители спорили, смеялись, хлестали пиво из захватанных бокалов, жрали омлеты и бифштексы. В телевизоре пела про ориентацию-Север Лолита Милявская.

Карачун встал в очередь. Усатый мент заказал перед ним «два экспрессо» и отчалил в угол к напарнику.

– В-в-водки д-д-двести. И-и-и сэндвич.

Буфетчица отмерила алкоголь и разогрела в микроволновой печи неаппетитный бутерброд.

Он занял единственный свободный столик, шаткий грибок на одной ножке. Положил рядом с графином смартфон. Гениталии приятно оттягивало кольцо.

Проглотил стопку. Заел хлебом и ветчиной. Облизал пальцы и щелкнул вкладку переписки.

Сплошные вопросительные знаки.

Он открыл верхнее письмо.

«Ты где?» – спрашивала Алексеева Лиза.

Он перешел на страницу Лизы, пробежался по увлечениям и фотографиям. Щекастая деваха носила на зубах скобы, делала бесконечные селфи, слушала какого-то Оксимилона и какого-то Нойза МС, смотрела «Пятьдесят оттенков серого» и «Достучаться до небес».

Он вернулся в переписку и набросал ответ:

«Все норм, не волнуйся».

Не успел он опустошить вторую рюмку, как пришла цепочка сообщений.

«Все норм???»

«Тебя весь город ищет!»

«Твоя мамка в милицию позвонила!»

«Школа на ушах стоит».

Поглощая бутерброд, он написал:

«Я познакомилась с парнем, тусуюсь у него. Отмечу НГ и приеду».

«Ты сумасшедшая, Снежана!» – Алексеева Лиза присовокупила к сообщению смеющихся смайликов.

«Требую подробностей!»

«Пока секрет!»

«Сучка». «Моя сучка». «Фух».

Он послал подмигивающий смайлик. Налил и вынул из внутреннего кармана пластиковый контейнер. Снял крышку. На одеяле салфеток лежала ногтевая фаланга указательного пальца. Белел отороченный лоскутками, закругленный эпифиз. На месте вырванного ногтя была вмятина кораллового оттенка.

Карачун скользнул взором по посетителям. Одутловатые физиономии, пивная пена на подбородках, блестящие пьяные зенки. Менты перешучивались, уставившись в планшет. Буфетчица откупоривала коньяк. По телевизору крутили совместный клип Киркорова и «Дискотеки Авария».

Он достал обрубок девичьего пальца, махнул пятьдесят граммов и аккуратно взял пальчик губами.

«Ты моя... ты моя... самая любимая», – пел Филипп Бедросович.

Карачун зажевал холодное лакомство, моляры впились в кожу, раздавили, мощные челюсти перемалывали трубчатую кость, пресное мясо хрустело, и волокна застревали между зубами.

Он грыз и глотал, запрокинув голову. Кадык ходил ходуном.

Стоя в привокзальном буфете, Карачун блаженно улыбался. Вновь наливался кровью пирсингованный член.

14

Он позволил себе подольше поваляться в кровати, наслаждаясь тишиной и бездельем. Призраки взяли выходной или вовсе покинули квартиру. Не было ни головной боли, ни адреналиновой тоски, мрачного спутника похмелья, словно они с Хитровым пили вчера компот. Словно Хитров померещился ему и все те чудные разговоры тоже.

В девять Андрей выбрался из постели. Разложил гигиенические принадлежности на ванной полке, не спеша принял душ и побрился. Мысли прыгали от привидений к Нике и обратно. Лишь пару раз всплыла Маша, и это был хороший показатель. До Машки не четыре часа езды, а целая потерянная навсегда жизнь.

Свежий, вдохновленный предстоящим свиданием, он принялся за дело. Сгреб останки коллекции, сыпал в два пакета куски пластмассы, бумажки, ленту. С пакетами в руке и легкой тумбой под мышкой вышел из дома. Обогнул пятиэтажку: за ней, за асфальтированным пятак-ком, город обрывался. Черная, кое-где подернутая инеем степь уходила вдаль, до бурых терри-конов. Редкие кустики напоминали забуксовавшие тушки перекасти-поля, а сама пустошь вызы-вала ассоциации с вестернами. Вон и стайка дворовых шавок (койоты!) дерется за косточку (бычьей кость).

«Перекасти-поле – это зомби растительного мира, – подумал Андрей, – воскрешенные трупы на службе ветра».

Он прошел по площадке к мусорным контейнерам и избавился от юношеских сокровищ. Тумба грохнулась о дно. Прощай, кладающий призрак.

По правую сторону расположился частный сектор. Тропка петляла вдоль штакетников и калиток, мимо большого кирпичного дома Ники Ковач, березовой рощи, и, вспомнил Андрей, упиралась в холм. Он был испещрен норами. Уличные погребки – символ Варшавцево, наряду с балками, крестом несуществующей церкви и Чупакаброй. То тут, то там попадались во дво-риках сгруппировавшиеся грибки, ржавые столбики в чешуйках облезлой краски. Вентиляци-онные трубы подземных хранилищ. Один из бесхозных погребов спас жизнь четырнадцати-летнему Андрею.

...В ноябре двухтысячного года Андрей решил сжечь ветеранскую беседку. Об этом он шепотом поведал Хитрову, и друг замотал головой:

– Ты сдурел! Солидол догадается!

– Откуда?

– Он поймет, что мы ему отомстили.

– Не поймет, – убежденно сказал Андрей, и собственная смелость поразила его.

Последней каплей стал поход к парикмахеру. Прямо в приемной, ожидая своей очереди, он был нагло ограблен Вовой и его дружками-шакалами. Молча, без суеты, Вова обездвигил подростка. Мелочь перекачивалась из куртки Андрея в карман Солидола. Нестриженный Андрей поплелся к Хитрову.

– Думаешь, он только у нас деньги отжимает? Только нас заставлял биться? Только меня в балку спихнул? Да половина Варшавцево мечтают спалить его халабуду. И его вместе с ней!

– Ну и как мы это провернем?

– Да просто! Бензин раздобудешь у папки?

– Попытаюсь, – кивнул Хитров.

Бензин он принес – полторы бутылки. Горючее Андрей спрятал на балконе, за санками и цветочными кадками.

– Теперь подождем, – сказал он.

В четырнадцать ждать особенно сложно. Андрей играл в «Контр-Страйк» (около ста-диона открыли компьютерный клуб). Брал напрокат видеокассеты, его с Хитровым потрясли

«Восставшие из ада». Ходил в «Современник» на «Гладиатора» и «Патриота». Поцеловался с Никой Ковач и после мучительных раздумий понял, что Ковач круче одноклассницы Веры. К тому же она сестра Саши, а у Саши есть своя группа, и оборванный концерт «Подворотни» намертво вьелся в память. Ему не очень понравился свежее испеченный кинчевский «Солнцеворот», но Хитров приволок пластинку «Блок ада», и там все было круто, без православия и кручины-печали.

Он думал о пылающей будке Солидола.

А потом наступил декабрь.

– Сегодня, – сказал Андрей. – Сможешь отпроситься у родителей? Переночуем на Быкова, я бабушку предупрежу.

Хитров пришел вечером. Бабушка накормила друзей пирожками и удалилась в спальню. Они посмотрели «Форт Боярд», передразнивая старца Фуру. Смеялись, но от волнения сводило животы. В одиннадцать, когда бабушка уснула, Андрей подал товарищу знак. Двор за окнами был тих и безлюден. Солидол или торчал в пельменной, или спал, надравшись.

«Интересно, меня могут посадить в тюрьму за поджог?»

– Идем.

В бутылке плескалась маслянистая жидкость. Он чувствовал себя партизаном, крадущимся к фашистскому «тигру» с коктейлем Молотова.

«Тигр», фанерная хибара, вырисовывался в темноте.

– Стой у подъезда, – прошипел Андрей, – на шухере. Чихнешь громко, если что.

– Мне и так чихать хочется, – признался Хитров.

– Терпи.

Андрей посеменял вперед, через песочницу, прильнул к задней стенке беседки. Прислушался. Тишина. И лампочка потушена, иначе свет бы просачивался сквозь зазоры. Пальцы крутнули пробку.

Внутри, знал он, хибара утеплена вагонкой. Осадков не было месяц, дерево и те старые кресла и пуфики, что перешли по наследству от настоящих ветеранов, займутся на славу.

Он скользнул к входу, озираясь. Нашупал зажигалку. Приоткрыл дверцы и юркнул в проем. Тьму оглашали удары сердца и странные чавкающие звуки. Бедро уперлись в край стола, за которым компания Солидола пила шмурдяк и шпилилась в карты. Андрей чиркнул кремнем.

В метре от него высветилось лицо. Толстая изумленная ряха. На мгновение он подумал о летающих головах из филиппинской мифологии, но башка была накрепко приделана к телу.

– Вова! – по-бабски заверещал Журавель.

Панически соображая, Андрей метнулся назад на улицу. Он успел заметить копошащуюся тень под столом. Выпрямляясь, сидевший там человек шмякнулся макушкой о дно столешницы.

Андрей со всех ног мчался к Хитрову. Переглянувшись, друзья ринулись в подъезд, на этаж, в квартиру. Андрей защелкнул замок. Выронил бутылку и уткнулся ладонями в колени.

– Они что, там? – ужаснулся Хитров.

– Тс-с-с! – Андрей зыкнул в глубь квартиры. Бабушка спала. На корточках, боясь дышать, друзья пробрались к кухонному окну.

– Что они делали без света?

– Потом!

Андрей осторожно высунулся из-за занавески. Солидол и Журавель топтались у беседки, вертели головами, высматривая лазутчика. Они были пьяны, иначе среагировали бы на скрипнувшую дверцу.

– Он тебя видел? – требовал ответа Хитров.

– Кажется, нет, – сказал Андрей.

Он ошибся.

Через два дня ему пришлось, рискуя жизнью, прыгать в погреб, в заваленную пожухлой лиственной дыру. Пережить, коченея от холода и страха, пока рыскает наверху Солидол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.